

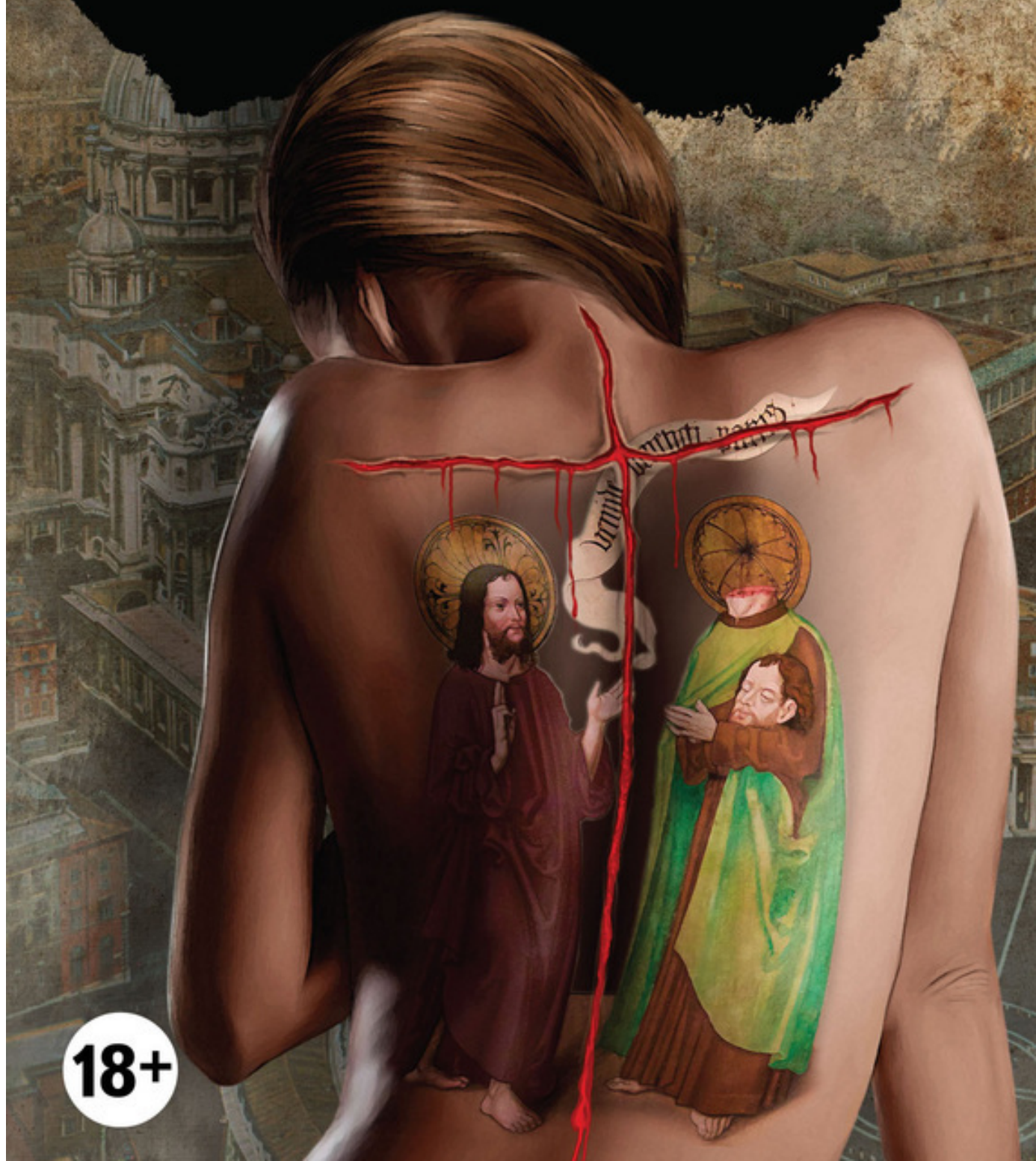
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ДЭНА БРАУНА

МИХАИЛ ВЕРШОВСКИЙ

МОЛЧАНИЕ АПОСТОЛА

18+

Интеллектуальный детективный роман

Михаил Вершовский
Молчание Апостола

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вершовский М. Г.

Молчание Апостола / М. Г. Вершовский — «Эксмо»,
2016 — (Интеллектуальный детективный роман)

Скандално известный профессор символогии Джон Лонгдейл с трибуны научной конференции во всеуслышание объявил, что намерен поведать всему миру о невероятном открытии, которое способно обрушить устои современного христианства. Однако озвучить сенсацию профессор не успел: в тот же вечер он был жестоко убит. А в тысячах километров от Лондона, на острове Патмос, совершено жуткое массовое убийство паломников: с тел несчастных были срезаны огромные лоскуты кожи. Скотленд-Ярд связывает оба преступления с сэром Артуром МакГрегором, которому профессор назначил встречу незадолго до своей гибели, а также с ассистентом профессора француженкой Эли. Чтобы спасти свою жизнь и свободу, молодым людям приходится разгадывать запредельно сложные ребусы, а тайна убитого профессора, к которой они вплотную приблизились, оказалась настолько шокирующей, что могла обрушить не только христианство, но и весь мир...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вершовский М. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Михаил Вершовский

Молчание апостола

В романе упомянуты реальные и весьма известные лица. Действия, которые они совершают в книге, являются исключительно фантазией автора. Сказанное не относится к другим историческим персонажам: Гиммлеру, Герингу, Рашеру, которые – как и их деяния – описаны с документальной точностью.

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят... и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и по причине умножения беззакония во многих охладее любовь...

*Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет...
От Матфея Святое Благовествование, XXIX, 3–35*

...любое убеждение, стоит ему претвориться в действие, становится безумием, которое боги посылают на тех, кого хотят погубить.

Джозеф Конрад, «Ностромо»

*Каждый, пытающийся стать ангелом, превращается в зверя.
Блез Паскаль*

© Вершовский М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

26 декабря 2014 г., Ассошиэйтед Пресс:

«Праздник Рождества в этом году завершился драматически. В ночь с 25 на 26 декабря в восточной части Средиземного моря произошла серия подземных толчков, магнитуда которых достигала отметок 5,0–5,5. Эпицентр находился на глубине порядка 6 км ниже дна моря. Землетрясение произвело ряд разрушений в прибрежных городах и населенных пунктах Израиля, Ливана, Сирии, турецкой Аланьи. Разрушения отмечены также на ряде островов Эгейского моря. Сообщений о человеческих жертвах не поступало».

Подобного он не видел даже в фильмах ужасов и сейчас чувствовал, как его колотит мелкая дрожь. Трупы, лежавшие лицом вниз на уже подтаявшем снегу, привели бы в состояние ступора кого угодно. Они все как один впились пальцами в землю под снегом. Все лежали, вжавшись лицом в снег. А спины...

Никос старался не смотреть на их спины. Содранная кожа – надрез был сделан от плеча до плеча, затем шел по бокам, завершая прямоугольник на уровне поясницы, – открывала кроваво-красные мышцы спины. Плоть.

Но на ум Никосу приходило совсем другое слово: «мясо». Именно оно и есть, мясо освежеванного зверя. Полицейский посмотрел на пистолет, сжатый в дрожащей руке, в котором не было ни малейшей необходимости, и сунул его в кобуру на пояс.

В нескольких шагах от него стоял седобородый настоятель храма отец Иоанн, низко опустив голову и держа наперсный крест обеими руками или, скорее, держась за него как за спасительную ветвь дерева, не дающую утонуть. Губы его беззвучно шевелились, он молился.

Среди тел Попадопулос заметил икону «Святой Иоанн Богослов в молчании», многожды виденную им, но сейчас разбитую, расколотую в щепы. В монастырь Иоанна Богослова, основанный еще в XI веке преподобным Христодулом, каждый год приезжали тысячи верующих. Ни один из этих паломников никогда не миновал храм Пещеры Апокалипсиса, стоявший неподалеку от монастыря. Все они стремились поклониться редкой и, по рассказам, чудотворной иконе.

- Что же это, геронда?¹ – помертвевшими губами выговорил Никос.
- Враг человек сотворил сие, – ответил отец Иоанн словами Евангелия.
- А прежде, геронда, ты видел их?
- Они явились группой, двенадцать человек, парни и две девушки...

Услышав слово «двенадцать», Попадопулос осознал, что он, пораженный страшным зрелищем, даже не пересчитал тела, лежащие на снегу.

– Да вот они, все тут. Пришли вчера, до того еще как содрогнулась земля. Днем явились. Были и в храме. Но... не паломники. Хотя и молились. И на иконы перекрестились, и, губами шевеля, молитвы вечерние творили. До самого конца службы стояли. После один из них, постарше, спросил, можно ль на ночлег остаться. Ну да где же? При храме лишь одна моя келейка есть с деревянным топчаном. Гостевых помещений и не было никогда, сам знаешь. Я сказал им: «Поднимитесь в Хору, там гостиничка есть, либо к морю спуститесь, в Скалу. Может, там ночлег для вас найдется».

¹ Геронда – обращение к старцу, особенно монаху или священнослужителю (здесь и далее – примечания автора).

– А они что на это?

– Уже темнело, когда тот, что постарше был, попросил разрешения палатки поставить неподалеку, на склоне. «Однако, – говорю, – снег с ветром штормовым обещали, так что...» – «Нам не впервой», – сказал он.

Полицейский, пересилив себя, подошел к одному из трупов. Перекрестившись, приподнял мертвецу голову, осмотрел шею. Потом прошелся внимательным взглядом по мясу, от плеч до поясницы. Выпрямившись, хмуро посмотрел на священника.

– Геронда...

– Да, Никос.

– А ведь иных ран, кроме содранной кожи, на них нет.

– Я, Никос, и по рукам, в землю впившимся, понял. Не сопротивлялись они. И живыми были, когда их...

Попадопулос закрыл рот ладонью и сглотнул, сдерживая рвоту, подкатывающую к горлу.

– Живьем освежевали. Да ведь и кролик биться, дергаться до последнего стал бы. Ты что-нибудь подобное видел, геронда?

Отец Иоанн тяжело вздохнул.

– Сын мой, того, что я в своей жизни долгой и грешной лицезрел, тебе и слышать не надобно, и не дай бог даже во сне увидеть.

Полутора часами ранее

Когда толчки прекратились, уже рассветало. Утихла и невиданная на Патмосе снежная буря.

Никос встал с кровати, набросил теплый халат, пошел по комнатам, включая свет, чтобы посмотреть, каких бед наделало землетрясение в доме. На кухне он бросил взгляд на кучу битой посуды, вылетевшей из буфета, потом посмотрел на стену и ахнул. По диагонали всей кухонной стены змеилась трещина от пола до потолка. Это в его-то доме, возведенном из камня еще прадедом, сложенном на совесть. Блок к блоку подогнан был так, что и ножа между ними не вставить.

Эхе-хе... Вот тебе и выходной, Никос Попадопулос. Работы на сегодня – если только на сегодня – будет невпроворот. Еще ведь и снаружи дом осмотреть надо.

Он принялся было натягивать резиновые сапоги, но тут на кухне зазвонил телефон.

Никос в одном сапоге проковылял на кухню, снял трубку и сказал:

– Астиномос² Попадопулос слушает.

Голос в трубке удивленно крикнул.

– Астиномос? Я-то думал, что на Патмосе один астиномос, и это я.

– Виноват, начальник. Антипастиномос³ Попадопулос у телефона!

– Да ладно, Никос, шучу я. Знаю, что тебя на твоём холме все астиномосом величают. – Последовала пауза. – А теперь срочно шагай к храму Пещеры Апокалипсиса. Рация, диктофон, фотоаппарат. Пистолет – но это на всякий случай.

– А что стряслось, начальник?

– Вот это ты мне и расскажешь. Но, похоже, стряслось.

– Хоть что-то известно?

– Звонок был в участок. Кто звонил, откуда звонили – неясно. Дария передала, что звонившая женщина словно в бреду повторяла: «Апостолы, мироносицы, мертвы, все мертвы,

² Астиномос – начальник отделения в греческой полиции.

³ Антипастиномос – младший полицейский чин, могущий исполнять обязанности от постового до участкового небольшого поселения.

ищите черных, здесь, в Лондоне, в Риме, повсюду, это они, они...» Так что давай, посмотри, что там.

– Уже иду.

Он надел форму, сунул в кобуру пистолет.

Стефания всполошилась:

– А это зачем? Никогда ты его с собой не брал.

Никос, разозленный испорченным выходным, покраснел от натуги – пояс удалось застегнуть с третьей попытки – и огрызнулся:

– Тебе отчет в письменной форме нужен или на слово поверишь, что начальство велело?

Распахнув дверь, Попадопулос шагнул за порог и замер. Вся поверхность холма была покрыта мокрым снегом. Ноги сразу заскользили по мокрой тающей жиже. Никос в сердцах сплюнул и стал осторожно спускаться по тропе, тысячи раз хоженной, сейчас скрытой под снегом.

Пройдя чуть менее километра, он уже в деталях мог видеть храм Пещеры Апокалипсиса и одинокую фигуру настоятеля, отца Иоанна. Впрочем... не совсем, точнее, совсем не одинокую.

На мокром снегу, чуть выше храма, стояло несколько альпинистских палаток, вокруг которых лежали люди. Не отрывая от них взгляда и уже не боясь поскользнуться, Никос побежал. Но и на бегу он видел, что люди раздеты до пояса, а их голые спины словно покрыты красными полотенцами.

Когда до лежащих людей оставалось метров двадцать, Никос вспотел. И вовсе не от бега. А от того, что увидел и понял: то, что ему показалось красными полотенцами, было обнаженными человеческими мышцами, с которых была содрана кожа.

– Как убивали их, геронда? Может, ты что видел или слышал хотя бы?

– Что можно было увидеть-услышать? Из окошка кельи ночью на расстоянии руки уже ничего не рассмотреть. А дело ведь ночью и было.

Никос посмотрел на куполообразные альпинистские палатки. Изрезанные, с рассеченными бортами и пологам, следы от тел, которые тащили по снегу. Или жертвы ползли сами? Однако... палатки, спальники.

Трое или четверо так и лежали с ногами в спальных мешках. Запаслись снаряжением. Значит, предполагали, что, может, придется вот так заночевать. Но какая же нужда по зиме сюда являться? Никогда Попадопулос здесь паломников зимой не видывал.

Да еще разбитая, расколотая икона – почему? И что это значило бы?

– А... это? – он указал рукой на обломки иконы.

– Ты же знаешь, Никос, храм я всегда закрываю, келью – нет. Я еще подумал, может, воры окно выставили? Да нет, все окна на месте. Значит, они замок отомкнуть умудрились, а я и не услышал. Ты ночью, кроме грохота землетрясения, воя ветра, раскатов грома, что-нибудь расслышать мог?

Никос сдвинул фуражку на затылок и тыльной стороной ладони вытер пот со лба.

– Так что думаешь, отец Иоанн? Кто они были?

– Кто «они»? Эти?... – Настоятель повел рукой в сторону лежащих тел. – Или те, кто их жизни лишил?

– Убийцы.

– Во всяком случае, не воры, не грабители. Хотя выкрасть икону исхитрились.

– Это верно. Выкрали, но не забрали. Раскололи, уничтожили и бросили.

– Потому и не воры. Тут, Никос, посерьезнее. Смердит все это, сын мой, врагом рода человеческого, вот что я тебе скажу.

– Сатанисты?

– Сие Господь ведает.

– И, похоже, кое-кто еще, – внезапно произнес полицейский, указывая рукой на цепочку маленьких то ли детских, то ли женских следов, ведущих от места бойни вниз, в сторону моря.

Под утренним солнцем снег таял быстро, и так же быстро таяли таинственные следы. Никос бросился фотографировать их, понимая, однако, что слишком уж много информации они из этих снимков не добудут.

Потом он достал из футляра рацию и вызвал начальника.

Рация зашипела, и через пару секунд в металлической мембране раздался голос антиномоса Ставроса:

– Ну и что там, Никос?

– Плохо, начальник. – Он помолчал. – Нет. Не плохо. Страшно. Тут надо бы с Афинами связываться.

– Не тяни. Насчет Афин я уже сам решать буду.

– Убийство, начальник. Массовое убийство. И садистское к тому же.

– Массовое? Сколько человек убито? Отец Иоанн жив?

– Жив. А трупов двенадцать. И у всех...

– Погоди. Сейчас вызову бригаду криминалистов из Афин и сразу же к вам. Будь на месте. Понял?

– Так точно, понял. Отбой.

Глава 2

Конференц-зал отеля «Тистл», расположенного на северо-западной окраине гигантского лондонского аэропорта «Хитроу», был почти полон. Новые слушатели все подходили и подходили. Еще бы: на эти два дня были заявлены выступления профессора символогии Джона Лонгдейла, известнейшего воинствующего атеиста, одной из ключевых фигур «Фонда за разум и науку», персоны не менее знаменитой, чем сам Ричард Доукинз, основатель этой организации. Он всегда был на переднем крае битвы науки с клерикализмом, религией и суеверием. Именно так Доукинз с коллегами представляли себе и другим свою деятельность.

Репортеры, падкие на хлесткие эпитеты, окрестили Лонгдейла разрушителем святынь. Впрочем, так оно и было. Он не раз разоблачал как подделки многие религиозные тексты и чудесные события, якобы происшедшие от первых веков христианства до Возрождения, века Просвещения и вплоть до наших дней.

Тем более необычной и чрезвычайно интересной представлялась тема двухдневного доклада Лонгдейла. Он посвящался Иммануилу Великовскому, одному из отцов «новой хронологии», который искал доказательства космических катаклизмов в священных книгах разных религий, но в первую очередь – в Библии.

Зал, уже заполненный слушателями, нетерпеливо гудел. Техник настраивал проектор, подключенный к ноутбуку на столе докладчика. Сам Лонгдейл стоял за краешком открытого занавеса и изредка бросал взгляд на аудиторию.

Профессор был классическим, почти киношным образцом представителя академических кругов из безалаберных и свободолобивых шестидесятых годов: джинсы, твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, длинные, до плеч, волосы и нечто среднее между бородой и небритостью.

Техник наконец-то справился с проектором, и на экране появилось худощавое лицо с типично еврейскими чертами, да еще и в толстых очках: Иммануил Великовский.

На сцену вышел ведущий, который поздоровался с присутствующими и возвестил:

– Дамы и господа! Дistinguished докладчик сегодняшнего и завтрашнего вечеров, профессор Джон Лонгдейл! – после этих слов ведущий зааплодировал, приглашая зал присоединиться к нему.

Зал не замедлил откликнуться. Кто-то хлопал в ладоши сидя, кто-то уже встал, кто-то колотил ладонями по подлокотникам кресел. Это было неудивительно: подавляющее большинство присутствующих принадлежало к постоянным участникам антихристианских тусовок и демонстраций, представителям сексуальных меньшинств, убежденным в том, что костры инквизиции еще не погасли до конца, женоподобным юношам и старцам, конечно, мускулистым леди с армейскими прическами. На многих были майки с надписью «In Science We Trust!»⁴. Таковы были страстные поклонники Доукинза, Лонгдейла, борцы с «опиумом для народа», не гнушавшиеся, однако, понюшки кокаина, а то и пары затяжек крэка.

Лонгдейл улыбался. Все это было настолько привычно, что он сразу почувствовал себя в родной стихии и понял: сегодня все пройдет на ура.

В огнях юпитеров он шагнул на сцену и поднял руки над головой в успокаивающем жесте. Мол, спасибо! Достаточно! Благодарю вас! Спасибо!

Сейчас почти весь зал приветствовал его стоя. Почти, но не весь. Кто-то был занят тем, что рылся в своих сумках и студенческих наплечных рюкзаках, лежавших на коленях. На некоторых лицах виднелась гримаса если не брезгливости, то, во всяком случае, отторжения.

⁴ «Мы уповаем на науку!» – антитеза официального девиза США «In God We Trust» – «На Бога уповаем!», выбитого на монетах и напечатанного на банкнотах Соединенных Штатов.

Лонгдейл автоматически выловил эти лица, зная, что задача его – сразить и победить именно их, закоренелых скептиков. Священников, однако, среди них не было. Жаль. Он особенно любил размазывать по стенке именно их.

– Благодарю вас, леди и джентльмены! – уже вслух, подойдя к микрофону, бархатным баритоном проговорил Лонгдейл и демонстративно посмотрел на часы. – Думаю, нам пора начинать. Спасибо всем еще раз, и прошу садиться.

Слушатели, все еще гудя и переговариваясь, устроились на своих местах.

– Итак!.. – Он вскинул руку к экрану. – Иммануил Великовский. Почему я говорю о Великовском, спросите вы? Ведь союзником для нас, убежденных атеистов, он никогда не был, верно? Увы, увы, увы. Но он был человеком, все-таки пытавшимся ломать преграды тысячелетней давности! И делал это, вооруженный прежде всего наукой, которая, как вы знаете, является и нашим оружием. Да, нашим единственным оружием в познании этого мира.

Лонгдейл нажал клавишу компьютера. На экране появилось схематическое изображение Солнечной системы.

– Вам, думаю, известно, что в своих трудах – «Миры в столкновении», «Эпохи хаоса» и других – Великовский утверждал, что космические катастрофы происходили уже в историческое время, то есть тогда, когда человечество, хотя бы его просвещенная часть, на письме могло фиксировать происходящее. Великовский замечает, что это было не миллионы, не сотни тысяч, а всего лишь тысячи лет назад, что на космогеологической шкале практически равно нулю. Мы помним, о каких катастрофах он говорит: об опасном приближении Венеры к Земле, вследствие чего наша планета сбилась с привычной орбиты, что, в свою очередь, вызвало целый ряд катаклизмов...

– А как же Марс – Юпитер? – перебил оратора тощий очкарик, максимум второкурсник. Лонгдейл снисходительно улыбнулся.

– Взгляните еще раз на схему, уважаемый коллега.

При слове «коллега» студент зарделся и уставился на картину Солнечной системы.

– Вы видите, – продолжал профессор, – что и Марс, и тем более Юпитер находятся гораздо дальше от Солнца, чем Земля, не говоря уже о Венере.

– Я имел в виду, – не сдавался студент, – что есть ряд теорий о том, что между Марсом и Юпитером существовала планета, которая была разрушена ударом сверхкрупного астероида или столкновением с кометой. В результате и появился пояс астероидов, существующий ныне между Марсом и Юпитером...

– Благодарю вас, коллега. Вы несколько меня опередили. Я собирался говорить о том же. Именно в результате этой суперкатастрофы Венера сбилась с верного пути, то есть со своей нормальной орбиты. Здесь у меня возникает вопрос к вам, уважаемый профессор Великовский. – Он сделал жест в сторону экрана, хотя портрета помянутого персонажа там уже не было. – Если Библия зафиксировала факт изменения орбиты Венеры, ее резкое приближение к Земле, все то, что вызвало земные катаклизмы, так почему же эта книга ничего не говорит о катастрофе гораздо более мощной, уничтожившей целую планету? Ее невозможно было не увидеть с Земли! Так почему же?

Напряженное молчание в зале.

– Я скажу вам почему. Потому что рассматривать Библию или же любую другую из «святых книг», – говоря «святых», Лонгдейл пальцами обозначил кавычки, – набитых суевериями, в качестве источника истины, тотально, непозволительно и абсолютно бессмысленно. Да простит меня Великовский.

Со своего места поднялся человек с выразительным, скульптурно вылепленным лицом.

– Прошу прощения, профессор, вы хотите сказать, что все, написанное в Библии, – сплошная бессмыслица и чушь, не имеющая отношения к истине?

– Да мы уже десятилетиями твердим это. И наука убедительно это доказала.

– Значит, наука доказала и то, что вера в Бога, основанная на Священном Писании, и в события, о которых в нем говорится, – чушь и бессмыслица?

– Простите, но мне пришлось бы повторяться.

– Однако миллиарды людей по-прежнему верят в Высшее Существо. И каким образом наука, занимающаяся материальным миром, может доказать или опровергнуть что-либо, относящееся к миру духовному, то есть по определению не- или нефизическому? Ведь, изучая зоологию позвоночных, наука не пользуется достижениями и инструментарием астрономии или квантовой физики?

– Да, очень многие верили в священный бред Библии, Корана и Аллах ведает чего еще. Увы, и до сих пор еще верят. Отчасти, может быть, потому, что человеком движет страх смерти. Пугающая мысль: «Неужели это все? И там, за гробом, больше ничего не будет?» Однако меня больше убеждает тезис, развитый Альпером в его труде «Научная интерпретация человеческой спиритуальности и Бога». Но понимаете ли, для спора на таком уровне помимо знакомства с работой Альпера необходим некий минимум образования. Вы, насколько я понимаю, верующий христианин, вот только я не убежден, что вашего образования достаточно для того, чтобы понять книгу такого уровня. А жаль.

В зале зашептались. Это был удар ниже пояса. Но оппонент Лонгдейла ничуть не смутился.

– Что ж, давайте по пунктам. Зовут меня Дэвид Берлински, и я не христианин, а еврей, но секулярный. Это значит, что по синагогам я не хожу, обрядов и предписаний иудаизма не придерживаюсь. Далее. У меня докторская степень по математике, физике и философии. Еще не так давно я преподавал философию и математику в университете Сан-Франциско. Сейчас тоже преподаю, но лишь математику, в университете Парижа. Я противник любой навязываемой мне религии, в том числе и той, которую вы, Докинз, и я же с вами пытаетесь сделать из науки. При этом силясь научно обосновать то, что предметом науки являться попросту не может. Теперь о том, что касается нейротеологии вообще и аспиранта Альпера в частности. Да, уж вы-то знаете, что эту книжонку он написал, будучи аспирантом. Ее основной посыл таков: «Мозг запрограммирован под Бога, под религиозность». Поверим Альперу, но кто же тогда был программистом?

– Хорошо. – Лонгдейл начинал нервничать. – Вы что же, хотите доказать существование Бога?

– И не хочу, и не смогу, даже если бы захотел. Нет, конечно. Я агностик. А вы, я полагаю, можете доказать Его несуществование? Научно. Без аспирантских брошюр?

– Разумеется, нет.

– Впервые за сегодняшний вечер я услышал от вас слова правды. Благодарю, профессор.

Зал гудел как потревоженный улей. Многие принялись доставать из своих сумок и рюкзаков книги и передавать их Берлински, надеясь что он услышит в этом гуле их просьбу: «Автограф! Пожалуйста!»

Берлински, нимало не смущаясь учиненным беспорядком, подписывал свой бестселлер «Дьявольская иллюзия: Атеизм и его претензии на научность», причем делал это с явным удовольствием.

– Господа! – возвысил голос Лонгдейл. – Будем считать наш обмен любезностями с почтенным профессором Берлински непредвиденным отступлением от темы лекции. Продолжим, господа.

Однако происходящее уже больше напоминало неуправляемый и гневный спор, а не структурированную лекцию.

Из аудитории неслись вопросы:

– А как же быть с тем, что упоминание о всемирном потопе мы находим и в священных книгах, и в преданиях самых разных народов?

– Чем, по-вашему, являются НЛО?

– Почему последовательность сотворения Богом жизни, согласно Библии, совпадает с данными эволюции?

Лонгдейл кое-как отбивался, шутил и иронизировал. Его сторонники довольно агрессивно пытались заткнуть любопытствующих критиканов. В результате через полчаса лекция окончательно превратилась во всеобщее препирательство.

– Господа! Господа! – Охрипший голос Лонгдейла почти срывался на крик. – Минуту внимания, леди и джентльмены! Конец этому спору и всем подобным наступит завтра, в этом же зале. Я готовлюсь сделать заявление, которое положит конец всем претензиям и сказкам официальной религии! Я нимало не шучу. Завтра я предложу вам – и миру – бомбу, мегатонную бомбу, нет, бомбу гигатонную, которая навсегда разрушит власть религии над умами и, более того, не оставит камня на камне от самой Церкви. Сейчас я не могу сказать, в чем эта бомба, но завтра... Завтра вы станете свидетелями того, как развеется многовековой дурман, и услышите истину, которая встряхнет мир. Кстати, я очень хотел бы видеть здесь и вас, профессор Берлински!

Тот, не отрывая глаз от книги, которую подписывал, коротко кивнул.

– Задайте им, профессор, задайте! – истошно вопила мужеподобного вида девица, потрясая сжатым кулаком.

– Я им не задам, я просто их раздавлю, – с брезгливой улыбкой бросил Лонгдейл и быстрым шагом направился за кулисы.

Берлински поднялся с кресла и невольно улыбнулся, увидев выходящую пожилую пару и услышав недоуменный вопрос мужа:

– Да, но при чем же здесь Великовский?!

«Кстати, – подумал Берлински, – этот вопрос был совсем не лишним».

Глава 3

Секретарь в строгой темной сутане распахнул перед кардиналом дверь, тут же выскользнул наружу и бесшумно закрыл ее за собой. Он успел мельком бросить слегка удивленный взгляд на черные шелковые перчатки на руках кардинала.

Могущественный генерал ордена иезуитов Адольфо Николас стоял у распахнутого окна главной комнаты служебного помещения, расположенного на втором этаже храма Святейшего Имени Иисуса, штаб-квартиры этой организации в Риме, подставив лицо лучам зимнего солнца. Фасад храма выходил на солнечную сторону. Он все-таки услышал движение у двери, закрыл окно, повернулся и мягко двинулся навстречу кардиналу Кшыжовскому.

– Ваше высокопреосвященство!

– Монсеньор! Слава Иисусу Христу! – произнес кардинал.

– Во веки веков! Аминь! – отвечивал генерал иезуитов.

Прелаты церемонно обнялись. Две маленькие шапочки едва не коснулись друг друга: красная кардинальская и лиловая архиепископская.

– Прошу садиться, ваше высокопреосвященство, – сказал Николас, отодвигая высокий стул, стоявший напротив его генеральского кресла, потом обошел стол и сел на свой «трон». – Итак?

– *Contento de verle en buen estado de salud*⁵, монсеньор, – с улыбкой, давшейся ему нелегко, произнес Кшыжовский.

Он знал, что генерал-испанец любит, когда к нему обращаются на его родном языке, и хотел чуть подсластить пилюлю, которую тому предстояло проглотить. Очень горькую пилюлю.

– Тадеуш! – улыбнувшись и наклонившись вперед, обратился к кардиналу глава ордена. – Сколько лет мы знакомы? И сколько лет ты тайно состоишь в наших рядах, *ad maiorem Dei gloriam*?⁶ Неужели ты рассчитываешь на то, что проницательность генерала иезуитов можно так легко усыпить? Что стряслось? И прошу тебя: без предисловий.

– Что ж, монсеньор... Плохие новости из Греции. С Патмоса. Очень плохие. Врагу удалось жесточайшим образом убить двенадцать человек, судя по всему, из числа своих, и исчезнуть.

– И что же в этом плохого? Пусть бы перебили друг друга до единого. Нам ли о них плакать?

– Но есть опасность того, что в руках врага оказался крифиос⁷. Ведь мы предполагали, что он укрыт где-то на Патмосе. А неизвестные грабители проникли в храм Пещеры Апокалипсиса и похитили икону «Святой Иоанн Богослов в молчании».

Ноздри генерала раздулись и слегка подрагивали. Опершись локтями в колени, он положил подбородок на ладони и покачал головой. Видно было, что Адольфо Николас едва сдерживается.

– Крифиос?! Тебе ли не знать, что будет, если правда выплывет наружу? И на что пришлось идти верным слугам Церкви, чтобы этого не произошло? О, ты знаешь, Тадеуш, конечно, знаешь. Или забыл? Ну что ж. Освежить память в любом случае не помешает. – Он встал и принялся расхаживать по комнате вдоль длинного стола, заложив руки за спину. – Страшная и опаснейшая тайна уже едва не была раскрыта и обнародована. Дважды. Что я говорю – трижды! Первый раз ее хотел поведать *urbi et orbi*⁸ «народный Папа» Иоанн Павел

⁵ Рад видеть вас в добром здравии (*исп.*).

⁶ Для вящей славы Божьей (*лат.*). Девиз иезуитов.

⁷ Крифиос – скрытое, не должное быть открытым (*древнегреч.*).

⁸ Городу и миру (*лат.*).

Первый. Чистейшей души человек. Но... Известно ведь, самая чистая вода – дистиллированная. Но пить ее бесполезно, жажды не утолит. Всюду есть грань, предел, финальная, наиглавнейшая цель. Для всех нас это Церковь, ее непоколебимость, ее влияние. – Подойдя к одному из портретов, висящих вдоль длинной стены, он поклонился и быстро, одним движением, перекрестился. – Генералом ордена тогда был Педро Аруппе, мой выдающийся земляк, пусть и баск, но великий христианин. Я никогда не видел, чтобы ему не удалось переубедить кого угодно, сделать своим сторонником. Но Папа был слишком популярен у «простецов». И явно искал популярности еще большей. Ты скажешь, что грешно обсуждать и тем более осуждать поступки святого, но мы-то с тобой давно не дети в ватиканском мирке, понимаем, что канонизирован – еще не значит свят. Так что даже таланты монсеньора Педро не помогли.

– Помогли знатоки ватиканской медицины? – с кривой усмешкой спросил кардинал.

– А кто и что выше – Папа или Церковь? Тридцать три дня на троне. С двадцать шестого августа по двадцать восьмое сентября тысяча девятьсот семьдесят восьмого года. Что тут сказать? Нам с тобой, сам понимаешь, и этого не видать. Тридцать три дня. Зато и любовь народная, и смерть мгновенная – инфаркт, я полагаю – и скорбь вселенская, и канонизация...

– Адольфо, если уж о том речь зашла, с русским было то же самое? Так же то есть? И если да, то зачем?

– С русским? Ах, с митрополитом, главой их делегации, которого на церемонии интронизации Иоанна Павла Первого инфаркт угробил, сразу и на месте? Нет, мы здесь ни при чем совершенно. Тем более что митрополит Никодим⁹ был человеком полезным и понятливым. Таких нам не убирать, а подбирать надо. – Главный иезуит снова сел в кресло. – Ладно, довольно об этом. Твой земляк, да молится он за нас на лоне Авраамовом, поначалу тоже порывался раскрыть тайну, о которой идет речь. Но и он все-таки понял, что это значило бы для Церкви, для веры христианской. А тут и братья-евреи помогли, поприжали слегка, пояснили. Он же с ними заигрывал, хороводы водил, старшими братьями звал...

– Адольфо! – Кардинал с такой силой хлопнул ладонью по столу, что поморщился от боли. – Только не о нем. И не в таком тоне. Ты все-таки о святом Вселенской Церкви говоришь.

– Да мы и прежде о святых говорили, – с усмешкой заметил генерал. – Или просто кровь польская в голову бросилась?

– То, что он, как и я, был поляком, никакого значения не имеет. Но к чему ты евреев приплел, Адольфо? Они-то к нашей тайне каким боком относятся?

– Тадеуш, дорогой, удивляюсь я, как ты до высот таких добрался, до шапочки красной, до одного из высочайших мест в иерархии и Ватикана, и иезуитов, хотя о последнем знают немногие. Ведь задача с евреями – проще таблицы умножения.

– И?.. Ну уж сделай скидку на мое славянское тугодумие.

– Представь себе, что всплывет наша тайна, откроется. Что это для Церкви значит, объяснять не надо. Рассыплется вся веками складывавшаяся структура как карточный домик. А помимо того? Война. Война на Ближнем Востоке, неизбежно. И для Израиля – война на выживание. Значит, в ход пойдет все, чем они там располагают. Вот тебе и Армагеддон. Кто выживет? Кто нет? Ты можешь сказать?

Кардинал потер виски руками и отрывисто кивнул.

– Ты прав, Адольфо. Об этом я, по правде говоря, не думал.

Генерал-иезуит поднял два пальца.

⁹ Имеется в виду митрополит Никодим (Ротов), глава делегации Русской Православной Церкви по случаю интронизации Папы Римского Иоанна Павла I. 5 сентября в десятом часу утра была назначена аудиенция у Папы. Митрополит Никодим пошел на нее, невзирая на то, что, по свидетельству очевидцев, выглядел очень уставшим. Там с ним случился сердечный приступ, мгновенная остановка сердца. Смерть Никодима породила конспирологическую версию об отравлении русского митрополита ядом в напиток, предназначенном якобы понтифику. Через 22 дня Папа тоже умер от инфаркта миокарда. Никодим был сторонником сближения РПЦ с Ватиканом.

– Вот тебе два. Но ведь и в третий раз опасность нарисовалась. Новый Папа Бенедикт уперся – не сдвинуть. Израиль ему не страшен, у них счеты давние, тут никаких контрдансов не было бы. Да и смерти старик не боялся. Восемьдесят семь лет, пожил. Чем напугаешь? Ну что? Чем?

– У вас всегда есть чем, – хмуро отозвался Кшыжовский.

– У нас! – резко, звенящим голосом поправил его глава иезуитов. – Есть, всегда есть, а не было бы, кто на страже Церкви и веры стоял бы?

– Вера не есть ли правда? – тихо спросил кардинал. – Или... – Он резко выставил вперед ладони в черных шелковых перчатках. – Вот: вера. А какая правда за ней стоит, мы знаем.

– Ну вот, все, как видишь, не так уж сложно. Есть вера и вера, есть правда и правда. Сегодня мы свои проблемы спокойнее решать можем. Ибо впервые на папском троне оказался иезуит. За все века. Свой. – Он хлопнул ладонями по подлокотникам кресла, пружинисто встал. – Так вот, ваше высокопреосвященство. Для поиска и, если понадобится, изъятия кри-фиоса моим указом создан специальный отряд. Не одна тройка, как прежде, а четыре. Главным всей группы остаешься ты. У каждого из четверых лидеров троек есть неоспоримые достоинства. Они, как и ты, отмечены свыше стигматами, которые являются подтверждением их личной святости и святости их дела. Двое подчиненных в каждой тройке – проверенные воины. Есть и профессионалы SAS¹⁰, и бывшие бойцы французского Иностранного легиона. Начальникам своим преданы как псы, ведь начальники, как мы с тобой знаем, – люди безусловной святости. Начальники, в свою очередь, и это понятно, как псы преданы ордену. А иначе и быть не может.

Поняв, что встреча или скорее аудиенция подошла к концу, поднялся и кардинал.

– Итак, ваше высокопреосвященство, я говорил уже, но повторю, сурово и без обид, Тадеуш, говорю в последний раз. Максимальная жесткость, если нужно – жестокость, и результат, результат, результат. Если бы твои люди перестреляли тех двенадцать человек, когда они впервые себя обнаружили, и утопили бы в любом амстердамском канале. В Голландии, кажется, дело было? И тогда – одной проблемой меньше. Человеколюбие хорошо, когда мы босоногую детвору кормим и школы открываем в бразильских трущобах или в Африке. А здесь, с этим всем, – ни-ка-кой жалости. Не останавливаться ни перед чем. Если невинный человек пострадает – ему Господом зачтется за невинное его страдание. И всему твоему отряду от Sodalitium Pianum¹¹ грехи отпускаются и прошлые, и будущие. Позаботься, чтобы каждый из них о том знал. – Монсеньор! – Кардинал коротко, формально кивнул и рукой в перчатке указал на внутреннюю дверь кабинета.

– Понял, ваше высокопреосвященство. Раны освежить надо. Это правильно. Через полчаса сюда ваши бойцы подойдут. Ладони освежив, перчатки не надевайте. Им раны увидеть полезно будет.

Генерал подошел к античному шкафчику у стены и распахнул его дверцы.

– Присутствием своим, Тадеуш, я тебя не отягощу. Мне надо просмотреть кое-что в архиве. А в шкафчике этом есть чем и раны промыть, и для внутренней анестезии найдется. Настоятельно советую. Заодно нервы успокоишь.

Кардинал, казалось, задумался. Поза его не изменилась ни на йоту.

Потом он резко повернулся к Николасу, решительно кивнул и буркнул:

– Czemu nie?¹²

¹⁰ Британские силы специального назначения. Прекрасно тренированы. Известны многими успешными операциями, в т. ч. против превосходящих сил противника и террористических групп.

¹¹ Реакционная организация внутри Католической церкви. Название означает «Общество – или Братство – Пия». Имеется в виду Папа Пий X. Основана в 1907 г. Пыталась взять на себя функции секретной полиции папского престола, однако внутри Ватикана столкнулась с серьезным противодействием. Весьма вероятно, что группа управляется иезуитами.

¹² Почему бы и нет? (польск.)

– Именно, именно, – засиял улыбкой генерал. – *Per qué po?*¹³

На сей раз улыбнулся Кшыжовский.

– Адольфо, – с показным удивлением спросил он. – Ты знаешь и польский?

– Мой дорогой Тадеуш! – Николас покачал головой. – Сколько лет длилось правление польского Папы? Иезуит в моем положении просто не мог не выучить родной язык его святейшества. Из уважения. Из почтения. А кроме того... ведь Папа и его преосвященство епископ Дзивиш, самое приближенное к понтифику лицо, между собой куда чаще говорили по-польски, чем на латыни.

Последняя фраза разом стерла улыбку с лица кардинала.

Генерал сразу же заметил эту резкую смену настроения, решил не напрягать обстановку еще больше, шагнул к кардиналу, приобнял его, прощаясь, и произнес:

– Ваше высокопреосвященство!

– Монсеньор, – негромко отвечивал Кшыжовский.

Николас, которому оставалось два года до восьми десятков, выпрямился и пружинистым энергичным шагом направился к дверям, которые беззвучно распахнулись перед ним и так же тихо закрылись.

Однако, оставшись один, кардинал не направился к шкафчику. Он опустился на колени перед портретом Иоанна Павла Второго и несколько раз покаянно ударил себя кулаком в грудь.

– Святой отче! Прости! Прости и научи, прошу, что мне делать? Что? Можем ли мы строить Церковь и Веру на лжи? На крови и убийстве? Кем и чем мы стали? Прости, прости, прости...

Потом кардинал не без труда поднялся и направился к шкафчику с разноцветными и разнокалиберными бутылками. Там он сразу нашел то, чем можно было промыть раны: бесхитростного дизайна бутылку, этикетка которой гласила «*Wódka Wyborowa*».

Но и коньяку плеснул себе в бокал кардинал Кшыжовский. Прав был генерал: тут и нервы вразнос, да и боль предстояла немалая.

«Заботлив монсеньор, – скривившись, подумал кардинал. Сплошь забота – как бы дружеская. Как бы. Все последние годы и я сам, и мое окружение живет в мире иллюзий. Как бы правды. Как бы веры. Как бы служения Богу. Или... – Внезапная мысль обожгла его мозг: – Или служения... как бы Богу?»

Кардинал истово перекрестился, произнес вслух:

– Защити, Господи!

Он залпом выпил коньяк, тяжело опустился на стул, стоявший рядом, и, не мигая, смотрел на портрет святого понтифика, земляка, учителя, канонизированного нынешним Папой. Смотрел, не отрываясь и не замечая, как по щекам его ручьем катятся слезы.

«Эх, отец святой, ваше святейшество, тяжеловат подарок по завещанию вашему мне достался. Ведь в завещании своем понтифик выразил благодарность за верное служение мне, прелату Кшыжовскому, и высказал просьбу к будущему Папе: вознаградить верное служение прелата титулом кардинала-диакона – низшая из ступеней кардинальского достоинства, но при красной шапочке. Спасибо, ваше святейшество. Теперь я навек как на цепи при Ватикане».

Все титулы, почет и всю роскошь, окружавшую кардинальскую его жизнь, Тадеуш Кшыжовский отдал бы за то, чтобы как прежде служить приходским ксендзом в городишке Белжице, что совсем недалеко от Люблина. А ведь были еще и люблинские студенческие годы. Машину времени бы, да не придумали ее еще. В католическом университете он впервые лицом к лицу встретился с профессором этики и нравственного богословия, талантливым драматур-

¹³ Почему бы и нет? (исп.)

гом и поэтом, молодым еще – сорока, пожалуй, не было – Каролем Войтылой. Этот экзамен Тадеуш на всю жизнь запомнил.

«Фамилия пана студента?»

«Кшыжовский».

«Кем же пан себя видит по окончании университета нашего? Богословом, ученым?»

«Ксендзом, пан профессор, и никак иначе».

«Пожалуй, при такой фамилии¹⁴ и впрямь никак иначе».

И не знал, не ведал студентик юный, что профессор, напротив него сидящий, вознесен будет до высочайших высот земных и выше, до высот небесных, станет святым Католической Церкви и его, студентика юного, судьбою. От темных кудрей до седых волос.

Довольно скоро возведен был прелат Войтыла в епископы, еще через несколько лет стал архиепископом Краковским. Тогда-то и вызвал он бывшего студентика – не забыл! – в Краков, где предложил – а от архиепископских предложений не отказываются! – занять должность помощника при архиепископском секретаре-принципале, прелате Станиславе Дзивише.

С Войтылой и Дзивишем выехал Кшыжовский и на выборы нового Папы после внезапной – очень внезапной – смерти Иоанна Павла Первого.

«Ненадолго, – сказал архиепископ. – Недельку от силы, и домой».

Несколько дней подряд из трубы дважды в день вился черный дым, означавший, что Папа еще не избран. И вдруг... Огромная толпа на площади Святого Петра зашевелилась, заходила волнами.

Она загудела на всех языках, среди которых, конечно, преобладал итальянский:

– Abbiamo il Papa! У нас есть Папа! Папа!

Из трубы клубами валил белый дым. Понтифик избран. Через несколько минут он должен появиться на балконе апостольского дворца. Толпа уже хлынула туда, ожидая увидеть нового Папу. Тадеуш не шел, его несло это неудержимое течение человеческих тел и душ. Он видел, как на перила балкона было выброшено бархатное знамя с папским гербом. Вскоре появился новый понтифик, поднял руки и благословил народ. Люди падали на колени, истово крестились.

Отовсюду несло:

– Abbiamo il Papa!

Но молодой прелат из Польши стоял, застыв как жена Лота, обратившаяся в соляной столб. Ибо на балконе апостольского дворца появился, благословляя народ, его бывший профессор и архиепископ Краковский. Тоже уже бывший.

С того дня и остались все три поляка в Ватикане. Дзивиш стал секретарем главы Католической Церкви. Кшыжовский этой официальной должности не имел, был скорее техническим ассистентом Дзивиша. Сам же Дзивиш очень быстро стал самым влиятельным человеком в клокоцущем от интриг папском дворе. Еще с краковских времен он был настолько близким другом его святейшества, что даже кровать Дзивиша стояла в папских покоях, на расстоянии вытянутой руки от ложа понтифика.

Эх, ваше высокопреосвященство, пан Станислав! Будь кардинал Дзивиш сейчас не архиепископом в Кракове по завещанию Папы, а, как и прежде, всего лишь секретарем-принципалом понтифика, все кровавые игры генерала иезуитов были бы пресечены немедленно. Но... ведь сам Дзивиш и «внедрил» Тадеуша в орден.

«Нам – то есть ему и Папе – очень нужны там свои люди», – убеждал он Кшыжовского.

Что ж, убедил.

¹⁴ Кшыж (krzyż) по-польски «крест».

Вот он, Ватикан, средоточие веры, приковывающий к себе умы и сердца сотен миллионов людей. И вот он, Ватикан, где все следят за всеми, запутавшийся в интригах настолько, что и не понять, какой там век на дворе. Порой кажется, что воскресли кровавые Борджиа или, пожалуй, и не умирали вовсе.

Тадеуш, Тадеуш, снявши голову, по волосам не плачут. А продавши душу?

Он поднялся со стула и, слегка пошатываясь, но вовсе не от выпитого коньяка, пошел вдоль стены в небольшой коридорчик. Слева была створка, ведущая в опочивальню генерала, а напротив нее – такая же резного дуба дверь ванной комнаты. Ее и открыл кардинал.

Отделка комнаты и сама ванна были редкого коринфского мрамора. От умывальника до ванны шла белокаменная скамья, на которую Кшыжовский и сел. Потом он достал из глубокого кармана сутаны небольшой флакон, граммов семидесяти, открыл пробку, понюхал содержимое и ощутил резкий запах карболки: фенол.

Кардинал подержал флакон у лица, уже было поднес его к губам, но резко отшатнулся и проговорил:

– Apage, Satanas!¹⁵

Смертный грех самоубийства – нет, это невысказано. Он поставил флакон на скамью, стянул с рук черные шелковые перчатки, под которыми тампонами были прикрыты стигматы, не заживающие благодаря едкому фенолу, – кошунственная карикатура на страдания Спасителя.

Кшыжовский плеснул немного фенола на тонкий тампон, прижал его к ране на внутренней стороне ладони и закусил губу от боли. Выждав несколько минут, он сделал то же самое с раной на внешней стороне. Затем, перехватив флакон левой рукой, занялся правой ладонью.

Он плакал. Но вовсе не от боли. Человек веры понимал степень кошунства, которое совершает. Кшыжовский сунул черные перчатки в карман сутаны – «Перчатки после не надевайте» – и тщетно пытался убедить себя в том, что все это для большего добра. *Ad maiorem Dei gloriam*. Для вящей славы Божией.

¹⁵ И на латыни, и на греческом фраза эта звучит одинаково и значит «прочь от меня, Сатана!».

Глава 4

– Подбрось-ка еще пару поленьев в камин, Джеймс, будь любезен, – заполняя последнюю строчку кроссворда, произнес сэр Артур. – Вечер сегодня донельзя промозглый.

– Лондон, сэр, – заметил на это дворецкий, шевеля поленья в камине.

– Знаю-знаю. – МакГрегор махнул рукой, брезгливо отталкивая от себя толстенную газету. – Заметил. Как и то, что ты предпочел бы настоящую зиму в нашем родовом особняке на Шотландском нагорье.

– Не буду лукавить, сэр, но это действительно так, – с поклоном произнес дворецкий.

– Но вы можете сказать мне, что происходит, мистер Робертсон? – полушутливо спросил Артур.

– Лондонская зима, сэр, – невозможно ответил дворецкий.

Артур МакГрегор махнул рукой.

– Сейчас я не о погоде, Джон. Я об этом. – Он ткнул пальцем в аккуратно заполненный кроссворд. – Это делают идиоты? Или для идиотов? Или то и другое? Ну сам подумай, кроссворд в воскресном приложении «Нью-Йорк Таймс», считающийся сложнейшим в мире, был разнесен в пух и прах за... – Он взглянул на часы. – За какие-то шесть минут!

– Нет такого орешка, который вы не смогли бы разгрызть, сэр Артур. – Дворецкий улыбнулся.

– Да вы льстец, мистер Робертсон. – Артур погрозил ему пальцем. – Бьюсь об заклад, что вы сами разнесли бы этот кроссворд вдребезги минут, скажем, за пятнадцать.

– Позволю себе выразить сомнение в этом, – продолжая улыбаться, покачал головой дворецкий. – Правда, в нашем семействе я был из самых грамотных, однако далее чтения «Библии в изложении для детей» не продвинулся. Не считая, конечно, правил поведения в инвернеской каталажке, откуда вы, ваша милость, меня вытащили до того, как я выучил их наизусть.

МакГрегор отмахнулся от последнего замечания, давая понять, что дело выеденного яйца не стоит.

– Три буквы по горизонтали, – внезапно произнес Робертсон, указывая пальцем на газету, лежавшую на столе.

– И что?

– Вы изволили пропустить их, сэр.

Артур снова подвинул газету к себе, пробежал кроссворд глазами.

– Однако ты чрезвычайно наблюдателен, друг мой, – сказал он. – С другой стороны, это как раз то, о чем я говорил! Некогда развлечение для настоящих эрудитов, этот кроссворд теперь напичкан банальностями для кухарок! Ну вот, сейчас и проверим. Три буквы, это ты уже знаешь, а сложность вопроса требует знаний как минимум нобелевского лауреата. Итак, Джеймс: мифический создатель флейты, состоящей из нескольких трубок.

– Пан, сэр. Если эта штука называется флейтой Пана, то уж, наверное, по имени ее создателя.

МакГрегор отшвырнул газету в угол комнаты.

– Что я и говорил. Докатились! Джеймс, прошу прощения за «кухарок». Но откуда ты знаешь ответ?

– У меня есть компакт-диск с записью Джорджа Замфира. Мелодия «Одинокий пастух». Под нее мне прекрасно отдыхается и думается. На конверте так и написано: «Джордж Замфир. Флейта Пана». И фото. Его и флейты. Но не думаю, что за всю эту информацию мне отсыпят Нобелевскую премию. А в деньгах это много, сэр?

– Было миллиона полтора зеленых, Джеймс. Сейчас немножко меньше. Рецессия, сам понимаешь. И, кстати, разреши уязвленному эрудиту тебя слегка поправить. Не Джордж Зам-

фир, а Георге. Георге Замфир. Прекрасный музыкант, дай ему бог здоровья. Но – Георге. И мелодия действительно прекрасная. Твой тезка, Джеймс Ласт. Немец, а ведь как написал!

– Прошу простить меня, сэр, – кашлянув, произнес дворецкий, – но ведь и Бах, и Шуберт тоже были немцами.

– Чтoб тебя старый черт забодал! – воскликнул сэр Артур. – Ты где всего этого набрался? В инвернесской каталажке?

– Вы будете удивлены, сэр, но именно там. Начальник этого заведения считал, что классика способствует выправлению наших исковерканных душ, сэр, потому, хочешь или не хочешь, а весь день по радио звучала классическая музыка. Именно так, сэр.

– Надеюсь, твоя выправленная душа не скорчится от ужаса, если я попрошу тебя плеснуть мне на пару пальцев доброго шотландского виски?

– Уже несу, сэр. – Дворецкий действительно управился с заказом в считанные секунды и появился у кресла хозяина с подносом в руке, на котором стояли тамблер с янтарным напитком и вазочка с подсолненным арахисом.

– И коль скоро ты у нас эрудит, да еще и шотландец, то, наверное, расскажешь мне, почему наш виски и спирт по-латыни называются одинаково?

– Латинцы тоже называли его «виски»?! – пораженно спросил Робертсон.

– Не латинцы, мистер эрудит, а римляне. Во всяком случае на латыни его стали называть водой жизни, то есть *aqua vita*, еще со времен святого Колумбана, обратившего рыжих дикарей в не менее рыжих христиан.

– А при чем же здесь виски? – удивился дворецкий.

– Эрудит вы, как оказалось, неважный, а шотландец вообще никакой. Современное слово «виски» произошло от нашего исконно гэльского «уисге беатха», то есть «вода жизни». Видимо, понятие это имеет глубинный смысл, потому что в целом ряде языков крепкие дистиллированные напитки именуются именно так. Возьми на заметку. В пабе поразишь старых друзей. Во Франции это *eau de vie*, в Италии – *acquavite*, в Скандинавии – *akvavit*, ну и так далее, вдоль по глобусу.

– Осмелюсь заметить, ваша милость, что спорить с вами по поводу «воды жизни» мне, конечно, не по зубам, но вот насчет дикарей или христиан... В этой комнате, как мы знаем, целых два шотландца, но нет ни одного рыжего. – Дворецкий расплылся в улыбке, отчего его пышные бакенбарды встали едва ли не под прямым углом к лицу.

Сэр Артур хохотнул и воззрился на своего верного слугу. Да, рыжих волос на его голове было не сыскать. Да и черных уже стало меньше, чем седых, которых изрядно прибавилось в инвернесской тюрьме.

Внешность дворецкого вообще была обманчивой, и не только в части вызывающе нешотландского цвета волос. Высокий – одного роста с хозяином, что значило шесть футов с небольшим, – и сухопарый, он был силен как бык. Вся горная Шотландия знала его как одного из самых успешных бойцов в подпольных боях без правил. Вершиной его успеха было убийство – совершенно непреднамеренное – противника на ринге, что помогло ему приземлиться за решеткой, а сэру Артуру – расстаться с изрядной суммой денег, чтобы вытащить верного слугу на свободу.

Впрочем Артур, девятый баронет МакГрегор, не слишком обеднел. Две-три сотни миллионов фунтов стерлингов в акциях, наличности и недвижимости – это все-таки еще не порог нищеты.

Выдавали Джеймса Робертсона его длинные руки и огромные пудовые кулаки. Потому-то даже в самых буйных пабах, где его репутация была никому не известна, к нему относились с предупредительной осторожностью. Артур всегда удивлялся, с какой ловкостью и даже изяществом управлялся Джеймс с сервировкой крошечных предметов для кофе и десерта. Ведь в его раскрытой ладони могла бы поместиться сковорода средних размеров.

Сорокалетний Артур МакГрегор, светлый шатен, почти блондин, сохранил спортивную фигуру гребца: мускулистые руки, мощный пресс, крепкие ноги. Еще второкурсником он начал выступать за команду Кембриджа в регате на распашных восьмерках в вечном соперничестве с Оксфордом. Так что фору на воде своему дворецкому он дал бы немалую, но на ринг с ним не вышел бы за какие угодно миллионы. Жизнь дороже.

Слово «жизнь» вернуло его мысль к теме дискуссии.

– Рыжие или не рыжие, старина, но во всех этих случаях – вода жизни. Уисте Беатха! – Сэр Артур поднял тамблер, наблюдая, как преломляются в нем огни старинной люстры. Поднял и замер, словно окаменев.

Робертсон тут же отшвырнул в сторону поднос, который бесшумно упал на густой персидский ковер, и двумя быстрыми шагами оказался напротив хозяина, который продолжал сидеть, окаменев, со стаканом в руке. Он был абсолютно неподвижен, только веки его дергались как сумасшедшие.

Дворецкий одним движением достал из нагрудного кармашка эластичную пластиковую палочку, которую вставил МакГрегору между зубов. В прежних приступах боссу не случалось ломать зубы или прикусывать язык, но осторожность не повредит, рассудил Робертсон. У них в тюрьме тоже был эпилептик, но тот все проделывал как в кино: падал на пол, пускал пену изо рта, корчился словно в пляске святого Витта, ломал зубы, сжимая их, и однажды все-таки откусил себе кончик языка.

У сэра Артура это происходило совсем иначе. После приступа этой странной эпилепсии он иной раз даже не помнил, что с ним было, порой нес какой-то бред о драконах, чертях и прочей нечисти. Но ни судорог, ни падений. Чаще всего МакГрегор выходил из приступа так, словно ничего не произошло. Возможно, в его восприятии так оно и было. Впрочем, дед Артура начинал тоже вот так, в меру спокойно, но к концу жизни был уже классическим эпилептиком, как тот цыган, с которым Джеймс сидел в Инвернесе.

Еще Джеймса поражала совершенная, каменная неподвижность хозяина во время приступа. Прошло минуты три. Веки Артура приподнялись.

Он по-прежнему любовался жидкостью в стакане и спокойно, как ни в чем не бывало, произнес:

– Ну и как же еще можно назвать эту красоту? Только «вода жизни», друг мой, только так.

Он поднес виски ко рту, но едва сделал первый глоток, как зазвенел колокольчик парадной двери. Артур услышал бормотание, потом низкий баритон Робертсона произнес: «Пять фунтов более чем достаточно, паренек», и дверь захлопнулась.

Артур поставил тамблер на стол и забарабанил по деревянной поверхности, припевая:

– Тащи сюда, тащи сюда, тащи сюда!..

Дворецкий сорвал с посылки дешевую оберточную бумагу, под которой скрывалась плоская коробка, обитая бархатом.

Но прежде чем сделать это, он посмотрел на адрес отправителя и сказал:

– Это пакет от фирмы «Лайон»...

– «Энд Тернбулл»! – весело закончил за него Артур. – Ну живей, живей, сюда его, сюда!..

Он буквально выдернул коробку из обертки. Синий бархат с золотым тиснением: «Манускрипт о кровной вражде между кланами МакГрегоров и Кэмпбеллов».

– И сколько же вы за это отвалили... прошу прощения, заплатили, сэр?

– Во-первых, ты когда-нибудь слышал, что такое любопытство может негативно отразиться на твоём жалованье, Джеймс? Во-вторых, размер моего наследства позволяет мне забить всю библиотеку такими же раритетами, да еще и в багажник «Ройса» напихать. В-третьих, отвалил я за него буквально несколько пенни. Лайон и Тернбулл – я это выяснил, и не спрашивай как – выставившие эту драгоценность на аукцион, предполагали получить за ману-

скрипт тысячи три фунтов. Я кое-что знаю о том, сколько мелочи звенит в карманах Кэмпбеллов, а посему дал знать, что готов дойти до десяти тысяч, и посадил в аукционном зале своего человека, который мгновенно перебивал любое предложение Кэмпбеллов. Результат – почти даром. Семь с половиной тысяч, старина, каких-то семь с половиной! А теперь скажи, где твой классический стакан для виски?

Дворецкий замялся, но не тронулся с места.

– Так... – задумчиво произнес сэр Артур, отхлебнул немного виски и поставил стакан на стол. – Значит, был приступ. И ты хочешь быть в полной боевой готовности, если случится второй?

Робертсон покаянно опустил голову.

– Джеймс, дружище, ты же знаешь, что они никогда не идут сериями, один за другим, – мягко проговорил МакГрегор. – Что я выделял на этот раз?

– Абсолютно ничего, – заверил хозяина дворецкий. – Вы просто застыли со стаканом виски в руке, а потом как ни в чем не бывало продолжили разговор.

– Ну вот, – довольно произнес сэр Артур. – Так что ты там говорил о стакане? Ну-ка тащи свою посуду сюда. – Говоря все это, он аккуратно перелистывал страницы манускрипта. – Подумать только, этот идиот Иаков Первый английский, он же Иаков Шестой шотландский, действительно сделал пэром Дункана Кэмпбелла, кровавого головореза без чести и совести. Как тебе это понравится?! – Артур сплюнул на персидский ковер. – У себя в Англии он мог быть не только первым, но даже наипервейшим, черт ему в помощь, но!.. Самозванный король Шотландии делает сэром бандита, негодяя, подделавшего документы, лишившего нас земель и самого имени!

– Прошу прощения, сэр, а эти отнятые земли всегда были вашими? – В голосе дворецкого слышалась почтительная ирония.

– Джеймс, ты достаточно взрослый мальчик для того, чтобы знать, что земли как вокруг Лох-О, так и любые другие, в старые добрые времена брались только огнем и мечом! – МакГрегор с силой стукнул донышком стакана о стол и расплескал немного виски.

– Прошу прощения, сэр, я не хотел вас ни в коей мере задеть, – пробормотал дворецкий, вытирая пролитый напиток.

– А рыжий Роберт, тот самый Роб Рой, воспетый сэром Вальтером Скоттом! – МакГрегор ткнул пальцем в сторону книги, стоявшей рядом с парой DVD-дисков лицом к нему на старинном серванте. – Он вынужден был взять фамилию своей матери – Кэмпбелл, вдумайся, Джон! – и стать разбойником. А как еще шотландцу без имени и наследства кормить семью?

Зазвонил телефон.

– Никаких гостей! – прорычал МакГрегор, допивая виски.

– Да, мэм, – прикрыв трубку рукой, отвечал Робертсон. – Нет, это его дворецкий. Что вы хотели бы знать? Я спрошу. – Сэр, – продолжая заслонять трубку, шепотом произнес дворецкий. – Дама, сэр.

МакГрегор протянул руку за трубкой радиотелефона.

– Да?

Голос в телефонной трубке мгновенно способствовал выбросу гормонов в организм прожженного плейбоя.

Бархатный, невероятно сексуальный, обволакивающий, пленительный голос.

– Сэр Артур МакГрегор?

– Вы не ошиблись.

– Сэр Артур, мой работодатель профессор Лонгдейл, хотел бы встретиться с вами, чтобы обсудить весьма важное дело.

– Простите, с кем имею честь?

– Меня зовут Элеутерия Бернажу, я ассистент профессора.

– Бог мой! – Сэр Артур раскатисто хохотнул. – Элеутерия... Прекрасное имя. На языке Гомера это, кажется, значило «свобода».

– Можно просто Эли, – ответил голос, вызвавший дрожь у МакГрегора. – Если, конечно, вы не настаиваете на формальностях.

– Никоим образом, дорогая Эли, – ответил Артур. – И к вашему вопросу. Я дома, и ничто не мешает вашему патрону явиться сюда со своим сверхважным делом. При одном условии: если он прибудет со своей ассистенткой... Прошу прощения – ассистентом. Мне до сих пор не удается привыкнуть к политкорректному новоязу.

– Увы, сэр Артур, по ряду причин профессор не может появиться у вас. Идеальным местом для встречи было бы кафе на третьем этаже торгового центра «Хэрродз». Это ведь в двух шагах от вас.

– Я бы сказал, в полутора, дорогая Эли. Профессор ищет встречи со мной, однако настаивает, чтобы я явился к нему. Странно... Кроме того, я, кажется, догадываюсь, о чем может пойти разговор. Постоянные, весьма странные экспедиции – фамилия профессора мне знакома – и богатый бездельник-плейбой, которого грех не потрясти на тысточку-другую. Я прав?

– Да. Нет. Не совсем. Совсем нет. Разговор предстоит очень серьезный и не особенно долгий. Профессору еще предстоит лекция в конференц-зале «Тистл».

– И все же почему в «Хэрродз», а не у меня в гостиной?

– Дело в том, сэр Артур, что профессор не без оснований опасается, что за вашим домом следят.

– Кто? Агенты клана Кэмпбеллов? Призрак короля Иакова?

– Я могла бы зайти к вам, и в «Хэрродз» мы отправились бы вместе. Если вы, конечно, не против.

– Зависит от того, сумеете ли вы убедить меня при личной встрече, мадам Бернажу.

– Мадемуазель.

– Еще лучше. Адрес вам наверняка известен. Сколько времени вам понадобится?

– Четверть часа, это от силы.

– Жду.

Лорд Питкин вышел на вечернюю охоту. По правде говоря, никаким лордом он, конечно, не был, но кличка, которой наградили его собратья-бомжи, некий смысл все-таки имела. Дело в том, что Питкин, он же Лорд, охотился по мусоросборникам на задворках богатых особняков. Добыча порой бывала приличной. Семейное серебро богатеи, конечно, не выбрасывали, но иногда можно было подобрать небольшой телевизор с кухни, старинный стул, который возьмет по сходной цене знакомый антиквар, да и мало ли что еще.

Конкурентов Лорд Питкин не опасался. Зоны охоты были строго поделены между бомжами. Нарушение границ каралось безжалостно.

Питкин, помахивая тросточкой, брел по западной стороне Тревор-сквер. У оград задних дворов стояли мусорные баки здешних обитателей, лопающихся от лишних денег.

На подобного рода охоту Лорд Питкин выходил, прилично одевшись, для чего имел в гардеробе кое-что не совсем уж бомжовое. Он знал, что тутошние бобби не любят рвань и шпану, однако не заметил ни одного стража порядка.

Обленились, негодяи. Но кому-то ведь работать надо.

Питкин подошел к первому контейнеру и, придерживая тросточкой крышку, чтобы не гремела, открыл его. Посветив маленьким светодиодным фонариком, он увидел вышитую диванную подушку. Подцепил ее тростью. Прикинул, сможет ли сбыть старине Абрамсону, решил, что вряд ли, и аккуратно, без шума, закрыл люк.

«Ну что ж. Охота только началась. Вряд ли в первом же мусорнике нарвешься на клад капитана Флинта», – подумал Лорд Питкин.

Странно. Крышка следующего мусоросборника была закрыта не полностью. Опуститься на свое законное место ей мешал башмак, причем весьма приличного качества, что видно было даже издалека.

«К нему бы пару!» – размышлял Питкин, неспешно двигаясь к мусорнику.

Открыв люк, он тут же отпрянул. В мусоросборнике была мечта профессионального стервятника. Там лежал мертвяк. Прилично одетый. Чем хорош мертвяк для такого субъекта, как Питкин, так это тем, что он не будет дергаться и сопротивляться, когда ты станешь вынимать его бумажник. Мертвяков Питкин не боялся. Суеверен он не был, тем более что смерть косила бомжей едва ли не ежедневно.

«Мертвяк – это бывший человек, а ныне всего лишь его подобие. Неподвижное и неопасное, – рассуждал он. Главное теперь – выяснить, насколько туго набит его бумажник».

Лорд Питкин подошел поближе, включил свой фонарик, тут же отскочил, споткнулся о край тротуара и шлепнулся на задницу. Поднявшись, он начал красться к мусоросборнику едва не на цыпочках, уже зная, что ни за каким бумажником не полезет.

Это был страшный мертвяк. За всю свою долгую бомжовую жизнь Питкин ничего подобного не видел. Горло трупа было разрезано от уха до уха. В этот самый разрез, насколько позволяла мышца, был вытянут язык. Получилось нечто вроде короткого галстука.

Мать Божья! Питкин перекрестился, неумело, кое-как, да ведь и делал-то он это от силы раз в десять лет. Что теперь?

Полисменов Питкин не любил, но понимал, что здесь без них явно не обойтись. Смейтесь или нет, но Лорд Питкин отправился на поиски бобби. Чертовы бездельники!

По переулку он прошел на Ланселот-плейс. Стоит. У богатенького дома, а на то, что на параллельной улице творится, ему, негодяю, наплевать!

– Констебль! Констебль! Фью! – позвал Питкин, для убедительности маня постового указательным пальцем.

Покручивая дубинкой, постовой двинулся к нему, и Питкин, дабы сразу сориентировать стража порядка, ткнул рукой вправо, в сторону Тревор-сквер. Не дожидаясь легавого, он побежал туда, где лежал этот страшный мертвяк со своим наводящим ужас галстуком.

Когда прозвенел дверной колокольчик, сэр Артур мягко отодвинул Робертсона и сам открыл дверь. Его снедало любопытство: будет ли внешность гостьи соответствовать ее сногшибательному сексуальному голосу. О да. И даже более чем. Мягкий овал лица, длиннющие, явно свои, ненаклеенные ресницы, огромные голубые глаза плюс фигура, при виде которой издатель «Плейбоя» Хью Хефнер наверняка брякнулся бы в обморок.

– Позвольте. – Он протянул руки, чтобы снять ее короткую куртку с меховой подкладкой. – Я повешу ее здесь.

Уже без куртки, в обтягивающем тело шерстяном лыжном костюме, гостья была не просто аппетитна, а поразительно красива.

Она протянула МакГрегору руку, которую он тут же галантно поцеловал, и представилась:

– Элеутерия Бернажу. Или, как мы уже договорились, просто Эли.

– Артур... – Хозяин дома почувствовал, что говорит это голосом, внезапно охрипшим от волнения.

– Не трудитесь, не стоит. Я знаю, с кем говорю. Сэр Артур, девятый баронет МакГрегор.

– Прошу вас, входите. – Артур наконец-то взял себя в руки. – Бренди, шерри, виски, порто? Или французский коньяк?

– Коньяк, с вашего разрешения. И разве что на донышке. – Эли улыбнулась, а девятый баронет МакГрегор нашел в себе силы лишь для того, чтобы кивнуть Робертсону, который уже звенел бутылками в оснащенном по высшему разряду баре.

Налив немного в коньячный бокал, дворецкий передал его хозяину, который, в свою очередь, с полупоклоном вручил посудину мадемуазель Бернажу.

– Благодарю вас. – Она поднесла бокал к ноздрям, прикрыла фантастически длинными ресницами глаза и втянула запах благородного, едва ли не столетнего напитка.

– Садитесь, прошу вас. – Артур указал на большое мягкое кресло, стоявшее у журнального столика.

Эли кивнула и села.

«За такие ножки полжизни можно отдать», – подумал Артур, взял свой недопитый стакан и опрокинул его залпом.

– Итак?.. – пропела Эли.

Артур поднял на нее непонимающие глаза.

– Мы ведь собирались идти в «Хэрродз», – напомнила она.

– О! – Он вскочил на ноги. – Дайте мне пять минут, и я буду готов.

Сэр Артур, перескакивая через ступеньку, понесся на второй этаж к своему гардеробу. Робертсон уже ждал его там, протягивая вешалку с отглаженным шелковым костюмом от Армани – не совсем по погоде, но ведь благородство обязывает. *Noblesse oblige*, как говорится. Баронет буквально впрыгнул в подставленные дворецким брюки, и спустя минуту Робертсон уже оглаживал на его спине дорогой пиджак, дабы не оставить на нем ни единой морщины.

– Старший инспектор Розетти.

– Сэр, докладывает констебль Роджерс. У нас убийство, сэр. Я так думаю.

– Что значит «вы так думаете»?

– В мусоросборнике на Тревор-сквер труп, сэр.

– Вы проверили его документы, бумажник?

– Э-э-э, нет, сэр. Он очень страшно выглядит.

– Он что, пытается кусаться?

– Нет, сэр, но...

– Ну так проверьте сию же минуту.

Констебль махнул рукой Питкину. Мол, давай.

Тот яростно замотал головой и заявил:

– Мне за это не платят.

Сплюнув на тротуар, Роджерс подошел вплотную к большому железному ящику, посветил внутрь фонариком и сунул руку за лацкан твидового пиджака. Бумажника в кармане не было, но полицейский вытащил темно-синий паспорт с гербом Соединенных Штатов.

– Вы там заснули, Роджерс? – заорал в телефон старший инспектор Розетти, да так, что его голос был слышен даже стоявшему в стороне Лорду Питкину.

– Никак нет, сэр. Это американец, сэр. – Он посветил фонариком на раскрытый паспорт. – Джон Эс Лонгдейл.

– Лонгдейл, – задумчиво произнес Розетти. – Машины с криминалистами я уже высылаю. Где конкретно на Тревор-сквер находится труп?

– В мусоросборнике... – Постовой взглянул на свой приборчик GPS. – На улице, параллельной Ланселот-плейс, у заднего двора особняка. Думаю, принадлежит он сэру Артуру МакГрегору.

– МакГрегору? Это ведь почти рядом с «Хэрродз»? – уточнил старший инспектор.

– Что? – заорал кто-то в офисе так, что перекрыл все уличные шумы. – Ну-ка дайте мне телефон, Розетти. У особняка МакГрегора, говорите? – Роджерс узнал вечно кипящий от гнева голос начальника убийного отдела Кэмпбелла.

– Похоже на то, сэр.

– Я выезжаю, – рывкнул Кэмпбелл.

Глава 5

Сбегая по ступенькам, Артур услышал вой сирен на параллельной улице, где-то у ограды его заднего двора. Пожав плечами, он согнул руку в локте, предлагая ее Эли.

Она извинилась, направилась к черному «мини-Моррису», припаркованному напротив особняка МакГрегора, и пояснила:

– Мне нужно взять кое-какие бумаги. Я вас догоню.

Сэр Артур неспешным шагом направился вдоль по Ланселот-плейс. Дойдя до ближайшего переулочка, он остановился, чтобы подождать Эли, до сих пор рывшуюся в бардачке, и внезапно получил резкий удар ребром ладони по шее. Ноги его подогнулись. Две пары сильных рук втащили тело потерявшего сознание МакГрегора в машину, стоявшую в переулочке, которая тут же сорвалась с места.

Придя в себя, сэр Артур понял, что на голове его плотный мешок, не позволявший видеть ничего вокруг. Руки девятого баронета были сцеплены за спиной браслетами.

– Кто вы такие? – хрипло спросил он. – Куда вы меня везете?

Ответа не последовало. МакГрегор лишь чувствовал, что автомобиль с десятков раз поворачивал то влево, то вправо, прежде чем погнал по прямой. Впрочем, потом он еще несколько раз вписывался в повороты.

Примерно через полчаса водитель стал плавно притормаживать, и машина остановилась. Сэра Артура вытащили из нее и, взяв под руки, повели сначала по ровной поверхности и почти сразу же по ступеням вниз. Подвал? Скрипнула дверь. Пленника ввели внутрь, где усадили на стул, перебросив по-прежнему сцепленные руки за спинку.

Чья-то ладонь рывком сдернула с его головы мешок. МакГрегор осмотрелся. Да, это был подвал, под потолком которого проходили разнокалиберные трубы. Все помещение освещала слабая, ватт под шестьдесят, голая, без плафона лампочка.

Он посмотрел на похитителей. Все в обтягивающих черных шерстяных костюмах, почти как у Эли. Разве что ее костюм был синим и куда более элегантным. На лицах у всех были маски, но не лыжные, как у классических грабителей, а закрывавшие лишь часть лица вокруг глаз, такие, словно эти бандиты собирались на бал-маскарад.

Вдобавок на шее каждого из них болталась серебряная цепочка с небольшим странным медальоном, в центре которого были прямой меч, прикрытый щитом, и весы. Щит украшало изображение креста. Вокруг шла какая-то надпись, но тусклое освещение не позволяло баронету разобрать ее.

На руках двух похитителей Артур увидел черные шелковые перчатки. Именно эти двое были главными, отдавали приказы остальным иногда жестами, иногда короткими фразами на латыни. Это была, несомненно, латынь. С итальянским Артур ее не спутал бы. Он основательно подзабыл этот язык, но отдельные слова все-таки понимал.

«Будь вы, баронет, в Кембридже приличным студентом, а не гулякой, теперь все разумели бы», – с горькой усмешкой подумал он и спросил:

– Ну и что теперь? Если это допрос, то полагаются вопросы, на которые я смогу или не смогу ответить. А вы со мной в молчанку играете.

Произнеся это, он тут же получил пощечину от головореза, стоявшего рядом с ним.

Тот сопроводил ее фразой на безграмотном, с сильным акцентом английском:

– Говорит, когда спросят. Не спросят – молчит.

Один из субъектов в черных перчатках, разминая ладони, подошел чуть ближе и спросил:

– Мистер МакГрегор?

– Сэр, с вашего разрешения.

– Сэр МакГрегор?

Пленник невольно усмехнулся.

– Произношение у вас, несомненно, лучше, чем у этого мерзавца, – он мотнул головой в сторону похитителя, отвесившего ему пощечину. – Похоже, в Британии вы бывали, и не раз. Но вот ознакомиться с правилами обращения к аристократии не удосужились.

– И как же прикажете вас величать, господин аристократ?

– Сэр Артур, будь мы хоть немного знакомы. Но еще лучше и проще: баронет МакГрегор.

– Что ж, баронет так баронет.

Босс – а в том, что он был боссом этой шайки, Артур уже не сомневался – безразлично пожал плечами.

– А как мне именовать вас, маска?

Бандит, стоявший рядом со стулом Артура, уже замахнулся, чтобы отвесить ему еще одну пощечину, но босс жестом остановил его.

– Можете называть меня «монсеньор».

– Епископ? Архиепископ? – вслух предположил МакГрегор, но, подумав, добавил: – Хотя сей, несомненно, почетный титул можно получить и без столь высокого сана. Не знал, правда, что нынче им награждают и разбойников с большой дороги.

Безымянный монсеньор рассмеялся неприятным, каркающим смехом.

Потерев ладони в черных шелковых перчатках и поморщившись, он произнес:

– Ну что ж, приступим, пожалуй. Вы боитесь боли, баронет?

– Любое живое существо старается ее избегать.

– Прекрасное замечание. Думаю, мы с вами сумеем договориться.

«Деньги? – подумал МакГрегор. – Но стоило ли для этого устраивать такой спектакль?»

– Вам нужны деньги?.. – забросил он удочку и добавил: – Монсеньор.

– Ну право же, сэр Артур, не стоит нас оскорблять, – парировал босс.

– Так что же вам нужно?

– Вот это мы сейчас и будем выяснять, баронет.

Начальник убойного отдела Кэмпбелл с выражением отвращения на лице качал головой.

– В нашем славном Лондоне я видел всякое, но такое!.. Розетти, ваше мнение?

– Это называется сицилийский или итальянский галстук, шеф. Обычно в практике мафии это знак того, что убитый собирался выдать тайну или уже сделал это. Язык, вытянутый через разрезанное горло.

– Какой тайной мог владеть профессор Гарварда, чтобы мафия с ним это проделала?

– У нас нет никаких следов, указывающих на то, что это работа мафии. К слову, шеф, такие же фокусы в Штатах проделывают и колумбийцы, и ямайцы...

– С той же целью?

– Двойная атака конем, шеф. Перевести стрелки на моих сородичей-итальянцев для полиции и послать предупреждение всем остальным. Покойный профессор что-то знал и хотел кому-то сообщить.

– Прекрасно. А где хозяин дома? Сэр долбаный Артур, он же баронет под каким-то там номером из горских свинопасов?

– Отсутствует. Но констебль у входа. Дома лишь дворецкий и горничная.

– Как же: дворецкий! Баронет, и без дворецкого. Немыслимо. Дворецкого пробили по базе данных?

– Так точно, сэр. Некий Джеймс Робертсон, в свое время получил семь лет за неумышленное убийство, отсидел два с половиной в Инвернесе, откуда деньги и влияние МакГрегора его вытащили.

– Н-да, такой головорез для МакГрегора в самый раз. Что сказал этот тип?

– Что его хозяин с неизвестной Робертсону молодой дамой совсем недавно изволили отбыть.

– И естественно, в неизвестном направлении?

– Разумеется, сэр.

– Что ж, оставим несколько парней дожидаться появления милой парочки. Вооруженных констеблей, Розетти. Из нашего отдела. Менять каждые четыре часа, если сиятельный баронет не объявится в первую смену.

– Вы полагаете, сэр, что он, убив кого-то, бросил бы труп у самого своего дома?

– Я полагаю, детектив Розетти, что допросить хозяина дома входит в наши прямые обязанности. Вы так не думаете?

– Виноват, сэр. Конечно, вы правы, сэр.

– И чтобы наши парни не особо светились.

– Безусловно, сэр.

Розетти отправился расставлять людей из первой смены, которым предстояло дожидаться МакГрегора.

Кэмпбелл остался в обществе патрульного и Лорда Питкина, дрожащего совсем не от холода.

– Ну теперь я душу из тебя выну, баронет, твою мать, сукин ты сын, – еле слышно пробормотал он.

– Ну что ж, баронет, начнем, пожалуй, – негромко и почти ласково произнес монсеньор. – Что вы знаете о последних работах профессора Джона Лонгдейла?

– Полагаю, меньше, чем вы, монсеньор, – в тон вопрошавшему ответил МакГрегор. – Знаю лишь, что занимался он символогией и борьбой с религией. Думаю, узнал бы больше. Ведь шел я на встречу с ним, когда ваши головорезы меня похитили. Замечу, кстати, что похищение человека в нашей стране, монсеньор, – серьезное преступление.

Монсеньор, он же босс, небрежно отмахнулся от последнего замечания.

– Похищенного еще надо найти, баронет. И найти живым. Кстати, а с какой целью вы шли на встречу с Лонгдейлом?

Артур пожал плечами.

– Не имею ни малейшего понятия. Его ассистентка... – Он прикусил язык и лихорадочно завертел головой, осматривая тускло освещенное помещение.

Слава богу, Эли здесь не было.

– Итак, его ассистентка... Кстати, кто она и где?

– Кто? Но я ведь уже сказал: ассистентка.

Босс кивнул, и бандит, стоявший рядом со стулом, ударил МакГрегора наотмашь. Стул резко качнулся, но негодяй в маске успел поймать и его, и человека, сидящего на нем.

– Сэр Артур, – мягко произнес монсеньор, – неужели вы еще не поняли, что разговор у нас очень серьезный, могущий иметь для вас очень серьезные последствия? Наследника вы, при всей вашей завидной активности в плане отношений с женщинами, так и не оставили. Вы действительно хотите стать последним баронетом, носящим фамилию МакГрегор?

– У меня есть племянник, – хмуро произнес Артур, слизывая кровь с рассеченной губы. – Он унаследует титул.

– Что ж, если это вас утешит. – Босс пожал плечами. – Теперь вопрос посерьезнее: где находится крифиос?

– Где находится кто? – МакГрегор был совершенно обескуражен.

Чего они от него хотят?

– Не «кто», а «что», баронет. Лонгдейл признался, что уверен: крифиос где-то у вас. Где конкретно?

– Черт подери и вас, и Лонгдейла. Если он так много знает, то спросите у него. Я вообще не понимаю, о чем идет речь.

– Увы, дорогой мой баронет. Знает он многое, но, к сожалению, не все. И то, что смог, уже рассказал. Теперь, милейший, ваша очередь.

– Ну так задавайте ваши вопросы, – хмуро заметил Артур.

– Да ведь я только что задал: где находится крифиос?

– Знаете, я всегда не без оснований считал себя эрудитом, но понятия не имею, что это такое. Возможно, вы имели в виду криптос?

– По смыслу эти два слова достаточно близки. А вам что-то известно о криптосе, коль уж вас больше устраивает такой вариант?

МакГрегор наклонился вперед и замер в этом положении.

– Баронет! – резко окликнул его босс.

Никакой реакции.

Монсеньор посветил фонариком ему в лицо. Веки Артура дергались как сумасшедшие, а все тело словно окаменело.

– Дурака валяет, – пробасил один из бандитов, на руках которого перчаток не было.

– О нет, брат Максимус. Мы не работаем на ощупь, а потому собрали о нашем баронете всю возможную информацию. Он эпилептик. Но приступы проявляются в том, что его как бы замыкает. Мышцы каменеют в положении, в каком их застал приступ, – вот как сейчас. Веки дергаются, причем бешено. Сами можете видеть. Мозг тоже не воспринимает внешние раздражители. Баронет нас не видит, не слышит и вообще не понимает, где он, кто и что. Длится такой цирк недолго – от минуты до десяти.

– У него есть машина? – спросил брат Максимус.

Монсеньор кивнул.

– «Роллс-Ройс», как и положено.

– И он сам ее водит?

– Иногда сам, иногда за руль садится дворецкий.

– А как же он умудрился получить права? – не унимался брат Максимус.

– Деньги, брат мой, деньги... Золотой ключик, позволяющий открывать любые замки и двери.

– Кто... Что... Где я?... – пробормотал МакГрегор и дернулся, пытаясь высвободить руки.

Но он тут же застонал от боли, когда пластиковые наручники еще глубже впились в его запястья.

– Адрес нашего с вами пребывания вам вряд ли что-то скажет. Главное, что мы беседуем, баронет. Вернее, пытаемся. Потому что ни на один вопрос вы пока так и не ответили, – пояснил монсеньор.

– Ну так спрашивайте, черт вас возьми, только не о какой-то чертовщине, о которой я в жизни не слышал! И снимите с моих рук эту гадость!

– Снимать эту гадость, как вы ее назвали, мы не будем. Наручники гарантируют, что даже неадекватное поведение вашей милости беседе все-таки не помешает. Но, идя вам навстречу, вопросы зададим новые, из тех, которые еще не звучали. Когда и где вы встречались с Сусанной? Я вижу ваше искреннее удивление. И все же?

– Я знаком со многими женщинами, но Сусанны среди них нет.

– Сусанны? Мироносицы?

– Тем более.

– Сделаем вид, что поверили вам на слово. Далее: когда в последний раз вы были на Патмосе?

– Я знаю, что это и где, но никогда там не бывал.

– Нас не интересуют ваши отрицательные ответы. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Думаю, что да. – МакГрегор огорченно вздохнул. – Это значит, что если я не отвечу на ваши вопросы, хотя понятия не имею, о чем они и к чему, то с бранным нашим миром мне придется расстаться.

– Но не сразу. – Монсеньор поднял палец. – Брат, стоящий рядом с вами, не только мастер отпускать пощечины шутникам. Он еще и прекрасный знаток анатомии, особенно в части, касающейся нервных узлов. Я видел, как в его руках прошедшие огонь и воду ребята из SAS скулили, выли и оралы как псы, с которых сдирают шкуру. – Он коротко кивнул.

Бандит, стоявший рядом со стулом, легонько потряхнул правой рукой, тут же поймал в нее выскользнувшее из рукава небольшое шило с длинным и тонким острием.левой рукой он раздвинул волосы Артура, прикрывавшие шею, и слегка коснулся острием шила точки на коже. МакГрегор вскрикнул.

– Вернемся к нашим баранам. – Сейчас босс был очень серьезен. – Когда в последний раз вы были на Патмосе?

– Да не был я там никогда. Черт бы драл этот Патмос и вас вместе с ним!

Шило вошло в тело всего на пару миллиметров. На этот раз Артур заорал от невыносимой, пронзающей все тело боли. Босс поднял руку, и мастер пыточных дел вынул шило из ранки.

– Богом клянусь, в какого уж из них вы там верите. – МакГрегор тяжело дышал, а по лицу его катились крупные капли пота. – Не был...

– Что ж, к Патмосу мы, возможно, еще вернемся, – добродушно произнес монсеньор. – А что крифиос? Где он?

– О боже, боже, боже! Да я даже не знаю, что это слово значит. Латынь я изучал, и то не слишком усердно, а это что-то на греческом, из которого я знаю, пожалуй, лишь алфавит... – Он снова заорал от боли. – Клянусь всеми своими предками, не знаю я, где этот ваш крифиос!

Босс удрученно покивал.

– Брат Дидимус?

– Ваше преосвященство, он не лжет. Мои укольчики работают куда надежнее, чем все сыворотки правды, скополамины и амиталы, которые к тому же далеко не всегда дают реальный результат. То есть искомую правду.

– Жаль. Ну что ж, брат Максимус, тогда дело за вами.

Бандит, к которому обратился монсеньор, достал из ножен на поясе широкий и отполированный до блеска нож и посмотрел на босса.

– И маленькая деталь, брат Максимус. Сделайте с галстуком. И поэлегантнее. Все-таки аристократ.

– Прошу прощения, монсеньор. Но ведь он ничего не сказал, даже не знал, о чем речь. Так нужен ли галстук?

– А поводить доблестную лондонскую полицию за нос? Пусть потом гадают, отчего и Лонгдейл, и МакГрегор?... Кстати, может, вы позволите мне решать, как нам вести дела?

– Прошу прощения, монсеньор, лишь один вопрос. – Бандит с ножом поцеловал медальон, висевший у него на шее. – Он все-таки крещеный христианин, католик. Не следует ли дать ему отпущение грехов?

– Не припомню, чтобы он просил нас об этом. Теперь все наверх. Брат Максимус, машину мы припаркуем за углом и будем ждать вас там.

Быстрые шаги тяжелых ботинок забарабанили по ступеням лестницы. Через полминуты взревел двигатель, и, судя по тому, как взвизгнули шины, автомобиль сразу же сорвался с места. Монсеньор был явно не в духе.

Брат Максимус, оставшись наедине с пленником, перекрестился, снова поцеловал медальон и зашел к МакГрегору со спины, готовясь отбросить его голову назад и обнажить горло. Он вздрогнул, услышав неожиданный хлопок. Затем внезапная ярчайшая вспышка света сразу же ослепила обоих: и пленника, и палача.

Женский голос прокричал на гэльском языке:

– Закрой глаза и рот! Старайся не дышать!

Вслед за этим раздался рев бедолаги Максимуса, которому струя слезоточивого газа хлестнула прямо по глазам.

Пока богобоязненный бандит, отшвырнув нож, на ощупь выбирался из подвала, изящная женщина, на лице которой была небольшая маска-противогаз, скользнула в подвальное окошко, подбежала к Артуру, сунула газовый пистолет за пояс и узким острым ножом перерезала пластиковые браслеты.

Одновременно она прижала мокрый платок ко рту и носу МакГрегора, а потом произнесла уже по-английски:

– Не делайте глубоких вдохов. И не открывайте глаза, пока не окажемся наверху.

Взяв освобожденного пленника за руку, она повела его по ступенькам и невольно рассмеялась, слушая удаляющийся и полный боли рев брата Максимуса.

– Но почему на гэльском, Эли? – спросил Артур, глотнув, наконец, свежего воздуха.

– Потом! – Она тащила его к своему «мини-Моррису», стоявшему на другой стороне улицы. Как только МакГрегор плюхнулся на сиденье слева от нее, она включила передачу и вдавила в пол педаль акселератора.

– И все же почему на гэльском, Эли? – повторил Артур.

– Снимите же с меня этот проклятый намордник, баронет!

Он расстегнул застежки-клипы на ее затылке, потянул маску вперед и снял ее.

– А вы хотели, чтобы я дала вам инструкцию на французском, родном языке этого дебила? Уж гэльского он-то не знал наверняка.

– А он француз?

– А вы не слышали акцент?

– Куда мы едем?

– К вам, сэр Артур, куда же еще. Вам надо привести себя в порядок. Выпейте пока вот это. – Она протянула ему маленький флакончик с таблетками-драже. – Две штуки сразу. Сдается мне, что сегодняшний бал еще не окончен.

«Мини-Моррис» припарковался напротив особняка МакГрегора. Эли заглушила мотор, взяла свой наплечный рюкзачок и одновременно с Артуром выбралась из машины.

Они перешли улицу и уже подходили к ступеням дома, когда из-за стволов росших вдоль улицы лип вынырнули несколько человек в темной форме спецназа с пистолетами в руках и соответствующей надписью на груди.

– Стоять! Вооруженная полиция!¹⁶ – рявкнул один из них.

Пока остальные ощупывали Эли и Артура на предмет оружия, этот субъект – очевидно, старший – по рации связался с управлением и доложил:

– Они прибыли, сэр. МакГрегор и дамочка, думаю, та самая ассистентка. Да, понял, сэр. Так точно, сэр. Уже делается, сэр.

Полицейские – их оказалось четверо – повели МакГрегора и Эли к тому переулку, где ранее вечером Артур был похищен. Но вместо машины таинственных бандитов сейчас там стоял темный «Рейнджровер», заднее сиденье которого было отделено от передней части салона прочной решеткой.

– Секунду, сержант, – запротестовал сэр Артур.

– Детектив-сержант, – суровым тоном поправил его полицейский.

¹⁶ Большинство полицейских в Британии не носят огнестрельного оружия. В противном случае стражи порядка вслух заявляют о себе именно в такой форме: «Вооруженная полиция». Очевидно, для того чтобы подстреленный преступник не мог потом оправдываться тем, будто не знал, что они вооружены.

– То, что вы еще и детектив, генералом вас все-таки не делает. Так вот, сержант... – МакГрегор остановился, рядом с ним замерла Эли. – С какой стати мы должны выполнять ваши приказы и следовать за вами неизвестно куда? Мы арестованы? У вас есть ордер на арест? И, кстати, кроме вашего звания, мне о вас ничего не известно. А посему отправлюсь-ка я домой.

– Я детектив-сержант Рональд Брэди из отдела убийств столичной полиции, и вы не арестованы, сэр.

Тут Артур с удовольствием отметил, что этот Брэди сменил тон и даже сунул пистолет в кобуру.

– Но и домой вы не отправитесь.

– Если не домой, то куда же? И, главное, почему? Какое преступление я и моя спутница совершили?

– Вы не арестованы за совершение преступления, сэр, это правда. Но вы задержаны по подозрению в совершении серьезного преступления.

– Недорешенный кроссворд?

– Нет, сэр. Убийство гражданина Соединенных Штатов профессора Джона Лонгдейла. Вы задержаны для допроса, который будет проведен в управлении, в нашем отделе.

Услышав, что Лонгдейл убит, МакГрегор и Эли ахнули почти в унисон.

– Убит? Где? Когда? Кем?

Град вопросов заставил сержанта поморщиться.

– Господа, мы и едем в отдел, чтобы постараться все это выяснить.

Услышанная новость, похоже, отбила у Артура охоту пикироваться с сержантом. Он послушно побрел к полицейской машине. Разом поникшая и побледневшая Эли шла рядом с ним.

Глава 6

«Рейнджровер» свернул на Виктория-стрит, и пассажиры, сидевшие сзади, оценивающе покивали, когда их глазам открылось сияющее огнями здание из стекла и бетона в добрых пару десятков этажей – Новый Скотланд-Ярд. Массивный вращающийся трехгранный знак у входа, где на каждой грани было написано «New Scotland Yard», не позволял спутать главное полицейское управление Лондона с какой-нибудь гостиницей или многоквартирным домом.

Брэди по очереди открыл дверцы для Эли и Артура и жестом пригласил следовать за ним. Шествие замыкали двое вооруженных полицейских. Впрочем, их пистолеты покоились в белых кобурах.

«Хорошо, хоть к затылку не приставили», – подумал Артур.

Войдя в холл, они дождались лифта. Брэди пропустил их вперед и нажал кнопку двенадцатого этажа. Там они прошли через стеклянные двери и остановились у столика дежурного. Брэди перебросился парой фраз с коллегой, сделал какие-то записи в журнале, после чего они двинулись дальше.

Навстречу им из просторного кабинета уже выкатывался суперинтендант Кэмпбелл, с трудом сдерживая довольную ухмылку. При виде Эли он попытался втянуть живот, но, после того как она прошла в его офис, расслабился и с шумом выдохнул.

– Могу посоветовать отличный спортзал, старина, – не удержался Артур. – И совсем недалеко отсюда.

– Думаю, МакГрегор, вы оцените спортзалы в наших местах заключения, если уж речь зашла о спортивной форме, – раздраженно парировал Кэмпбелл.

Закрыв за вошедшими дверь на ключ, суперинтендант указал на два кресла, стоявших напротив его стола, тяжело рухнул в свое собственное и принялся переводить с Артура на Эли и обратно хитрый, как ему казалось, взгляд, словно говоривший: «Уж нам-то о вас все известно». Брэди встал рядом с шефом.

– Могу я попросить ваши документы? – почти ласково обратился Кэмпбелл к Эли.

Пожав плечами, она сунула руку во внутренний карман куртки, достала коричневый французский паспорт, открыла на первой странице и протянула суперинтенданту.

– Ага. Все правильно, – сказал он, несколько раз переводя взгляд с паспорта на Эли, словно убеждаясь, что на документе действительно ее фотография. – Э-лю-те...

– Элеутерия Бернажу, комиссар.

– Старший детектив-суперинтендант, с вашего разрешения, мадам.

– Мадемуазель, с вашего разрешения, детектив.

– Может быть, перейдем к делу, – произнес Артур, доставая из кармана пачку сигарет. – Я не хотел бы провести здесь всю ночь.

– Это зависит не от вас, – отрезал Кэмпбелл. – Можете убрать сигареты. Здесь не курят. МакГрегор пожал плечами и сунул сигареты в карман.

– Итак. – Суперинтендант сложил ладони шалашиком у подбородка. – Начнем. Что вам известно?

– Послушайте, Кэмпбелл, это уже не смешно. Нас хватают у моего дома, заявляют о каких-то подозрениях и тащат сюда. Что нам известно? Нет уж, будьте добры поставить нас в известность, в чем и, главное, почему нас подозревают.

– Я им об этом сказал, – вмешался Брэди.

– Секунду. – Босс поднял руку. – Дело важное, давайте заниматься им всерьез. Мы проверили звонки, сделанные из вашего номера в отеле, мисс Бернажу. Надеюсь, вы не возражаете против «мисс». Последний был на номер телефона присутствующего здесь сэра Артура МакГрегора. После чего, по словам его дворецкого Робертсона, вы – я полагаю, что это были вы,

впрочем, очная ставка покажет – появились в особняке МакГрегора и вскоре уехали вместе с ним.

– Минуточку! – Артур вскочил с кресла. – Уехали? Меня увезли!

Он поймал умоляющий взгляд Эли и умолк.

– Должен ли я понимать это в том смысле, что за рулем была мисс Бернажу? И увозила она вас силой? Нет? Тогда откуда такая буря эмоций, баронет?

– Бурная выдалась ночь, Кэмпбелл. И не без помощи ваших ребят, размахивавших пистолетами у нас перед носом.

– Вопрос к вам и вашей спутнице. Что вам известно об убийстве Лонгдейла?

Артур и Эли ответили практически в унисон:

– Ничего!

– Однако тело его нашли в контейнере для мусора у заднего двора вашего дома, МакГрегор.

– И что, это делает меня убийцей? – Артур развел руками. – Кстати, Кэмпбелл, если еще раз вы назовете меня просто МакГрегором, я буду звать вас бобби. В конце концов, это ведь ваша профессия. Не уверен, правда, что вы с ней справляетесь.

– Прекратите! – суперинтендант хлопнул ладонью по столу. – Хорошо, баронет, баронет, баронет, подавитесь вы своим баронетством. – Он сделал паузу. – Речь идет об убийстве, если вы еще не поняли. На редкость жестоком убийстве. Может, достаточно игр в титулы? Сейчас я спрашиваю – вы отвечаете. Итак, мисс Бернажу, зачем вы звонили баронету, – Кэмпбелл язвительно выделил последнее слово, – МакГрегору?

– Меня попросил об этом профессор Лонгдейл. Он хотел, чтобы я устроила ему встречу с Арт... баронетом МакГрегором в кафе торгового центра «Хэрродз». Это, как вы знаете, совсем недалеко от особняка баронета.

– И сразу два вопроса. Первый: почему Лонгдейл сам не позвонил сэру Артуру с просьбой о встрече? Второй: о чем он с ним собирался говорить? – При этом Кэмпбелл бросил взгляд на МакГрегора, но тот лишь пожал плечами: дескать, откуда мне знать?

– Касательно первого вопроса думаю, что он боялся отказа.

– Ну да, – не удержался суперинтендант. – Зато кто же откажет девушке с таким обволакивающим голосом?

– По второму вопросу я сказать ничего не могу. Знаю лишь, что Лонгдейл рассчитывал провести с баронетом не более часа, потому что в девять у профессора была запланирована лекция в конференц-зале «Твистл», которую он никак не мог пропустить.

– Хорошо. Что связывает вас, мисс Бернажу, с профессором Лонгдейлом? Простите, связывало?

– Я проходила у него курс символогии. – Заметив удивленный взгляд полицейского, Эли добавила: – Это наука о символах, их истории, значении. Работала у него ассистентом, если угодно, техническим секретарем.

– Экзотично, – пробормотал Кэмпбелл. – Именно поэтому вы сняли с ним совмещенные номера в гостинице? Или?..

– На что вы намекаете? – вспыхнула Эли.

– Никаких намеков, что вы. – Суперинтендант, защищаясь, поднял руки. – Меня просто заинтересовало то, что через дверь между вашими номерами можно было свободно передвигаться из одного номера в другой.

– Я могу ответить. Сейф, где можно было хранить привезенные мной документы – я приехала, чтобы привезти их Лонгдейлу, – был только в его номере. В нем же я хранила деньги и кое-что из своих блестящих игрушек. – Она прикоснулась к мочкам ушей. – Вы понимаете.

– Понимаю. – Кэмпбелл тоже прикоснулся к мочкам ушей. – С игрушками вам придется подождать. Не волнуйтесь, вам их вернут в целостности и сохранности. Хотя могло быть и хуже.

Ночью в ваших с Лонгдейлом номерах кто-то произвел настоящий погром. Пытались вскрыть сейф, к счастью, безуспешно. Не думаю, что их интересовали ваши ценности. А что за документы вы привезли Лонгдейлу? И от кого?

– Передал мне их в Оксфорде, – при этих словах выпускник Кембриджа МакГрегор скорчил кислую физиономию, – профессор Питер Росс, специалист по древней истории. Что собой представляли документы, я не знаю. Конверт, в котором они находились, был плотно запечатан.

– В результате взломщики до конверта и документов не добрались. Что хорошо. Зато доберемся мы. Шифры всех сейфов отеля хранятся у шефа охранной службы. Хотя не уверен, что эти древние исторические документы что-то нам дадут. А икона?

– Какая икона? – спросила Эли.

– На полу в номере Лонгдейла были обломки иконы. Наши криминалисты говорят, что ее сначала расщепили, отделили заднюю часть от передней и, видимо, в ярости от того, что не нашли внутри того, что искали, порубили в щепу. Странно, что ни в коридоре, ни в нижнем номере никто этого не слышал.

– Возможно, они проделывали это на ковре, – негромко произнес Артур.

– Скорее всего, – мирно согласился Кэмпбелл. – Зато ваш рюкзачок, – полицейский обращался к Эли, – они не тронули. То есть, наверное, тронули, порылись, но ничего интересного не нашли. – Он положил на стол небольшой студенческий рюкзачок, стоявший до того на полу рядом с его креслом.

– Благодарю вас. – Эли протянула руку к рюкзачку, но суперинтендат резким жестом придвинул его к себе.

– Сначала ответьте, что это такое. – Он сунул руку внутрь и достал какой-то небольшой предмет, завернутый в смятую бумагу.

Кэмпбелл снял ее, и все увидели древнюю статуэтку высотой сантиметров пятнадцать. Она представляла собой сделанное из пористого камня изображение обнаженной женщины нормальных пропорций, с очень полными, налитыми грудями. – Ну и что же это за порнушка?

– Эту порнушку собирался использовать Лонгдейл в своей лекции о Великовском и планете Венере. Порнушка, как вы изящно ее определили, это Иштар, шумеро-аккадская богиня плодородия и плотской любви.

– И какая же здесь связь с лекцией по астрономии?

– Лекция была не только об астрономии. И связь, как бы странно вам это ни показалось, есть. Иштар, она же древнесемитская Астарта, или Астарот, греческая Афродита, римская Венера. В вавилонском пантеоне она была божественным воплощением планеты Венеры. Разрешите? – Эли протянула руку к статуэтке.

Кэмпбелл пожал плечами.

– Прошу. В конце концов, вашего работодателя убили не ею, это нам известно наверняка. – Он подтолкнул к Эли статуэтку и мятую бумажку, в которую она была завернута.

– Благодарю.

Артур протянул руку, чтобы взять бумажку и бросить ее в ближайшую урну, но заметил, как Эли легонько мотнула головой, и сунул обертку в карман пальто.

– А рюкзачок?

– В нем, кроме статуэтки, ничего не было? – поинтересовался Кэмпбелл.

– Отчего же. – Эли рылась в рюкзачке, выкладывала его содержимое на стол. – Вот, прошу, три пары носков, новые, еще в обертке. Книжка. Последний роман Дина Кунца. Почитать в дороге. Две пачки сигарет, куплены в дьюти-фри, провезены в Англию совершенно официально и законно. Все.

– Что ж. – Полицейский махнул рукой. – Забирайте свое имущество вместе с рюкзачком.

Эли сложила вещи, затянула клапан рюкзачка, застегнула все молнии и кнопки, после чего с вызовом произнесла:

– Если это все, господин суперинтендант, то скажу, что я изрядно устала и хотела бы поехать домой.

– Если вы имеете в виду отель, боюсь, ничего не выйдет. Оба номера – Лонгдейла и ваш – опечатаны. Минимум на несколько дней.

– Но там мои деньги и карточки. Так как же?.. И где?.. Я практически остаюсь на улице!

– Мадемуазель Бернажу! – галантнейшим тоном, поклонившись, произнес МакГрегор. – В моем особняке на Ланселот-плейс четыре гостевые спальни. Если вы не сочтете для себя неудобством...

– Благодарю вас, баронет. – С этими словами Эли направилась к выходу из кабинета.

– Секунду! – Кэмпбелл вскочил с кресла. – Вы оба должны дать подписку, что на время следствия – не переживайте, это неделя-полторы – не покинете пределов нашей прекрасной столицы. – Он подвинул им два уже готовых бланка, где нужно было лишь поставить подпись.

Так они и сделали.

Когда дверь за ними закрылась, суперинтендант процедил сквозь зубы, но так, чтобы Брэди его услышал:

– Не верю я ему. И всей этой своре не верю: красавчикам из Оксбриджа, миллионерам, аристократам. Особенно если их фамилия МакГрегор.

Глава 7

Спускаясь в лифте, Эли обратилась к Артуру:

– Баронет, а я не причиню вам неудобств?

– Милая Эли, баронет я для этого полицейского хама по фамилии Кэмпбелл. Для вас – умоляю – Артур. Идет?

– Ничего не имею против.

– Кстати, позвольте вопрос?

Лифт спустился в холл. Эли вышла первой, но встала чуточку в стороне, стала поджидать Артура, чтобы услышать его вопрос.

Подойдя, он взял ее под руку, повел к выходу из здания и негромко буркнул:

– Не здесь. Давайте уже покинем гостеприимный дом лондонской полиции.

Они спустились по ступенькам и прошли с десятков метров по тротуару.

Потом Артур спросил свою спутницу, любующуюся небом, розовевшим на востоке:

– Почему вы остановили меня, когда я собирался рассказать о том, как меня похитили?

– Вы помните, что с вами собирались сделать в подвале, когда я там случайно появилась?

Артур рассмеялся.

– Пусть будет случайно. Вообще-то, меня собирались убить, и, как я понял, не самым приятным образом.

– Вот-вот. Суперпуперинтендант Кэмпбелл имеет на руках расследование по делу Лонгдейла, вдобавок испытывает к вам нежную любовь. Этого нельзя было не заметить. Неужели вы думаете, что он всерьез займется тем, что его задушевного друга едва не зарезали какие-то негодяи? А вот под ногами будет путаться усердно. И кто они вообще, эти бандиты?

МакГрегор остановился.

– Кстати, кто они вообще? Резонный вопрос. И на кой черт я им понадобился непременно в качестве трупа?

– Именно, дорогой мой Артур. Это вопрос самый главный. Ответ на него придется искать нам самим. Кэмпбелл здесь не помощник. Далеко до вашего дома пешком?

– Почему пешком? Я абсолютно доверяю Робертсону. Мы могли бы продолжить разговор и в его присутствии. При немалом росте умудряется как бы исчезать, делая вид, что его нет. И верьте или нет – когда он это делает, его действительно нет. Конечно, до тех пор, пока он понадобится.

МакГрегор надел перчатки и взмахнул рукой. К тротуару совершенно бесшумно – Эли даже вздрогнула – подкатил черный «Роллс-Ройс».

Робертсон приподнял форменную шоферскую фуражку, приветствуя хозяина и его спутницу, выскользнул из-за руля, открыл правую заднюю дверцу и пропустил Эли в огромный салон. МакГрегор открыл свою дверцу сам, хотя дворецкий пытался опередить его в этом.

– Рад видеть вас в добром здравии, сэр! – Он снова приподнял фуражку, уже сидя за рулем. – И вас, мэм. Надеюсь, проклятые бобби не доставили вам хлопот?

– Все в порядке, Джеймс. Во всяком случае, пока. Бар, надеюсь, снаряжен?

– Сэр Артур... – обиженно протянул дворецкий.

– Тогда курс на Ланселот-плейс, то есть домой. Но не торопясь. Нам с мадемуазель Бернажу надо поговорить.

– Слушаюсь, сэр.

Перегородка между водителем и салоном с легким жужжанием поднялась. Артур нажал кнопку на спинке сидений первого ряда, и крышка бара мягко откинулась. Он достал два коньячных бокала, вручил один Эли, открыл бутылку бренди и наполнил каждый бокал до половины.

– Именно бренди, Эли. Это то, что нам сейчас очень не повредит. Обычно я пью виски, но холодным утром после теплого приема в полиции – бренди. Ваше здоровье! – произнес он, чокаясь с Эли.

– Чин-чин! – весело отозвалась она.

Оба отпили по приличному глотку. Щеки Эли быстро покрылись румянцем, а МакГрегор почувствовал разливающееся по телу благодатное тепло.

– Достойный напиток, – выдохнув, сказала Эли.

– В полтора раза старше, чем ваш покорный слуга, – не без гордости заметил Артур. – Но ехать нам даже черепашиным шагом несколько минут, а посему вернемся к волнующей нас – меня, во всяком случае, – теме.

– Когда я нырнула в подвал, на вас не было ни повязки, ни мешка, верно?

– Верно. Хотя пока мы ехали, мешок был.

– Неважно. Значит, в подвале вы успели их рассмотреть. Рассказывайте.

Артур прикрыл глаза, восстанавливая в памяти то, что видел.

– Черные костюмы в обтяжку, похожи на лыжные или на те, в которых ниндзя по стенам лазают. Маски.

– Лыжные? С прорезями для глаз? Как у грабителей банков?

– Странно, но нет. Скорее, я бы сказал, карнавальные, знаете, такие, бабочкой, начинающиеся чуть выше бровей и потом до кончика носа. На резинках.

– С такой маской значительная часть лица остается открытой. Какие-то особые приметы на лицах: усы, бороды, шрамы, бородавки, ожоги?..

– Нет, ничего. Все они были гладко выбриты.

– Перстни, медальоны?

– Да! – вскричал Артур. – На всех были серебряные цепочки со странными медальонами.

– Опишите, Артур. Как можно больше деталей. Это важно.

– Серебряный круг, нет, скорее кольцо. Внутри, в центре, вертикально стоящий меч, прикрытый щитом и весами...

– И на щите изображение креста, – закончила за него Эли.

– Да, верно! Вы видели такой?

– Во всяком случае, на фотографиях. Дело плохо, дорогой Артур. Это очень серьезные люди. Они занимаются важными делами и, как правило, доводят их до конца.

– Да кто же они, наконец?

– Судя по их медальонам, они из Sodalitium Pianum. «Братство Пия». Крайне правая организация внутри Ватикана...

– Ватикан! – перебил ее Артур. – Конечно, Ватикан! Своего старшего они называли монсеньором, между собой говорили на латыни...

– О чем?

– Только не смейтесь, Эли. В Кембридже я изучал всеобщую и шотландскую историю. Разумеется, мне приходилось заниматься и латынью, чтобы читать первоисточники. Но если бы на каждую пинту пива, которое я вылакал за годы учебы, приходилась бы хоть одна страница учебников, то я, наверное, знал бы латынь лучше самого Папы Римского.

– Тут не до смеха, баронет, – сухо произнесла Эли. – Но хоть что-то из их разговора вы поняли?

– Понял, что это латынь. И то, если быть честным, скорее догадался, узнав два-три знакомых слова. Смех, да и только.

– Ну так вот, чтобы вам было еще веселее. «Братство Пия», с которым вас свела... свел... свело уж не знаю что, долгое время пыталось стать своего рода тайной полицией Ватикана. Добиться этого им так и не удалось. Однако нам известно...

– «Нам», то есть кому?

– Мне и кое-кому еще, разве это важно? Нам известно, что члены братства принимали участие в операциях и акциях, которые наш милостивый Господь вряд ли одобрил бы. Да у вас самого была бы возможность в этом убедиться наверняка, не подоспей я вовремя. – Она потерла переносицу пальцами. – Артур, сейчас мы не на Виктория-стрит, не просто можем, но обязаны быть откровенны. От этого зависят наши жизни. Ваша, во всяком случае.

МакГрегор одним глотком допил коньяк и убрал бокал в нишу бара.

– Что связывает вас с Ватиканом? Где и как вы умудрились помешать каким-то их планам, влезть в их тайны, стать для них опасным?

– Я и Ватикан?! Ну да, я католик, как и большинство шотландских горцев. Да, я появляюсь в церкви на Пасху и Рождество, но даже в детстве алтарным мальчиком не был. Я и Ватикан? Вот это по-настоящему смешно.

– А почему мы стоим? – Эли повертела головой.

Машина действительно стояла, хотя ее могучий мотор мягко урчал.

– Потому что уже давно приехали. – Артур постучал в перегородку, и Робертсон тут же вынырнул из машины, чтобы открыть дверцу для дамы.

Глава 8

– Слава Иисусу Христу!

– Во веки веков! Аминь! – Генерал сделал короткую паузу. – Вопрос pro forma, Тадеуш, но ты звонишь с незарегистрированного, надеюсь?

– Одноразовый, с предоплатой, куплен в каком-то магазинчике. На это ума и опыта у меня хватило.

– Прости, не хотел обидеть. Тогда главное: что удалось вытянуть из МакГрегора?

– Абсолютно ничего, Адольфо. Он понятия не имеет, что такое крифиос, не говоря обо всем остальном.

– Не имеет или не имел, Тадеуш? Я услышал «не имеет». Он что, еще жив?

– Да. Брат Максимус остался с ним, чтобы... Но за ним явно следили. В подвал, где они были вдвоем, ворвался, если верить Максимусу, невысокий тип, может, и женщина. Этот субъект ослепил нашего бойца перцовым спреем и сбежал вместе с пленником.

– Топорная работа, Тадеуш.

– Извини, Адольфо, нас здесь не так много, чтобы перекрыть все входы и выходы наших схронов.

– Прости и ты меня, Тадеуш, но я не могу прислать к вам на помощь стражников швейцарской гвардии и полицию его святейшества.

Оба помолчали.

– Подведем черту, ваше высокопреосвященство. МакГрегор должен быть устранен. Во что бы то ни стало.

– Генерал, но в чем же смысл? Зачем проливать кровь без особой пользы? Ведь он совершенно ничего не знает!

– Зато знаем мы! Нам известно, что крифиос, возможно, не только он, находится в особняке МакГрегора. Значит, рано или поздно этот баронет или кто угодно еще может найти то, что найдено быть не должно.

– Но, генерал...

– Именно, Тадеуш, генерал. Который отдает не подлежащий обсуждению приказ: Артур МакГрегор должен быть устранен. Быстро и эффективно.

– А как же «кто угодно еще»?

– Вам, похоже, захотелось пошутить, ваше высокопреосвященство? Однако это вовсе не шутка. Чтобы исключить опасность случайного доступа к крифиосу, особняк на Ланселот-плейс должен сгореть. Дотла. Чтобы выгорело все, до подвала включительно. Удивляюсь, как я давным-давно не пришел к такому простому решению.

– Это все, генерал?

– Телефон в Темзу. По новому разовому сообщить, что приказ в отношении МакГрегора выполнен. И как именно. После чего новый одноразовый – тоже в Темзу. Это уже будет половина всего.

– Половина?

– Вы уже успели забыть об особняке на Ланселот-плейс, ваше высокопреосвященство. Успеха вам, и слава Иисусу Христу!

– Во веки веков! Аминь!

Телефон умолк.

Кардинал Кшыжовский стоял на мосту Путни. Он питал к нему особую слабость. Эта арочная конструкция, переброшенная через Темзу, чем-то напоминала ему мосты Рима.

Кшыжовский осмотрелся, не увидел никого, кто был бы ближе чем в пятидесяти метрах, и разжал пальцы. Сотовый телефон тихо булькнул и погрузился в воды Темзы. Кардинал на

всякий случай схватился за голову наигранным жестом отчаяния. Но нет. Никто не обратил внимания на случившееся. Что ж, слава Господу нашему.

– Джеймс, вам надо ставить памятник, – сказал Артур. – Камин разожжен, жилище прогрето. Надпись на памятнике будет гласить: «Лучшему дворецкому Британии».

– Я предпочел бы «Шотландии», сэр. И если уж памятник, то, если можно, еще не сейчас. Артур расхохотался.

– Ну что вы на это скажете, милая Эли? Этот горец в карман за словом не полезет.

– Как и любой настоящий горец, сэр, – бесстрастно заметил дворецкий.

– Джеймс! – позвала Робертсона Эли. – А не трудно ли вам будет плеснуть мне – нам – еще по чуть-чуть бренди?

– Нет ничего проще, мэм, – с улыбкой, поднявшей его густые бакенбарды торчком, ответил дворецкий, шагая к бару.

Через несколько секунд два бокала и бутылка бренди стояли на столе, за которым расположились Эли и Артур. Ловким профессиональным движением Робертсон наполнил бокалы на треть и словно из воздуха материализовал изящное фарфоровое блюдечко с дольками лимона.

– Артур, и где водятся такие волшебники? – сверкнув белоснежными зубами, поинтересовалась Эли.

– В горах Шотландии, Эли. Это еще что! В юности, как мне рассказывали, он бегом загонял по холмам оленя.

– А слышали бы вы, мэм, как я играю на волынке, – мечтательно произнес дворецкий. – Особенно An Eala Bhàn...

– «Белая лебедь», – перевела Эли. – Одна из моих любимых мелодий. Не делайте удивленных глаз, Артур. На каком языке я отдавала вам команды в том подвале? Ну да, я знаю гэльский, с полдюжину древних языков и примерно столько же европейских. Как вы сказали: если бы за каждую страницу проработанных учебников мне давали бы пинту пива...

– Наоборот, Эли, наоборот. – Артур рассмеялся. – А какой пышечкой вы при этом стали бы!..

– Ну уж нет, – отрезала Эли. – Меня моя фигура вполне устраивает.

– Меня тоже, – торопливо вставил Артур.

– Консенсус достигнут, – сказала Эли. – Бренди выпит... почти. Не пора ли нам вернуться к делам, очень даже насущным?

– Прошу прощения, Эли, – сказал Артур. – Но, взглянув на ваши ручки, я вспомнил...

– Только теперь шутки в сторону, – нахмурившись, отреагировала Эли. – Да и комплименты тоже. Артур, ваше, а может, и наше положение очень серьезно, и...

– И вот что я вспомнил. Бандитов в подвале было четверо. Но на руках двоих из них, включая монсеньора, были черные шелковые перчатки.

– Монсеньора?

– Старший этой четверки. Он предложил называть его так. Я не спорил. Тем более что и остальные головорезы так к нему обращались.

– Второго в перчатках тоже титуловали «монсеньор»?

– Нет. Тот вообще молчал. Громилу, который должен был меня зарезать, звали брат Максимум. И еще одно имя я запомнил: брат Дидимус. Изощреннейший мастер пыток. Уж этого субъекта я вряд ли забуду.

– И это все, кого вы помните?

– Нет. Был еще босс всей этой шайки. В подвал он не спускался. Его тоже называли монсеньором, но серьезно и уважительно, обращаясь к нему только изредка. Он сидел в машине рядом с водителем.

– Ну что ж, Артур, – сказала Эли. – Для начала не так уж мало. Дай нам Господь немного времени, нароем и еще что-нибудь.

Артур поднялся, прошел к вешалке в прихожей и достал из кармана пальто смятую бумажку, в которую когда-то была завернута статуэтка Иштар.

– А это что такое? – осведомился он. – Почему вы хотели, чтобы мы забрали бумагу с собой?

– Вы удивитесь, – медленно произнесла Эли. – Но профессор Лонгдейл взял с меня слово, что в случае непредвиденных обстоятельств эта бумага попадет в руки к вам.

МакГрегор приподнял брови.

– Не статуэтка? Именно обертка? – Артур положил бумажку на стол, разгладил ее ладонью и увидел кое-что весьма любопытное. – Что это за чертовщина? – воскликнул он.

На бумажке был текст. Он состоял из трех абзацев на разных языках: английском, французском и...

Первые два Артур прочитал, едва пробежав по ним взглядом. Это была инструкция по пользованию гелем для рук.

Третий абзац смотрелся какой-то тарабарщиной. Некоторые буквы были Артуру знакомы: «с», «е», «о» и еще с полдесятка, но остальные...

– Что такое? – Он подвинул бумажку Эли. – Это на русском?

– Нет, на тарабарском, – хмуро буркнула она. – Будем ломать голову?

– Если и будем, то недолго. – Артур улыбнулся. – Я, знаете ли, являюсь одним из самых востребованных составителей кроссвордов, шарад и прочих задач, требующих немалой эрудиции, трижды чемпионом Соединенного Королевства и победителем двух конкурсов газеты «Нью-Йорк Таймс». А ведь кроссворды там!.. При этом я еще и очень скромный. Итак, к делу. Известно, что буквы в английском и русском разнятся существенно, а посему пройдем-ка в кабинет. – Он встал и направился к дверям.

Эли, пожав плечами, двинулась за ним с таинственной бумажкой в руке.

МакГрегор сел за компьютерный столик, подвинул к себе ноутбук и протянул руку за тарабарской бумажкой. Он положил ее рядом с ноутбуком и внимательно посмотрел на первые строки абзаца, написанного кириллицей.

«Ещ5 Фкегкб?!ыг ифкцтуегу ЪфлПкупщкгюу Вуфк Ышк1 Ш рцзу ершы зфзук цшдд пуге ещ ншг...»

Далее что-то в том же роде.

– Это хоть что-нибудь значит по-русски? – спросил баронет.

– Абсолютно ничего.

– Так я и думал. Раскладки английской и русской клавиатур totally разнятся. Скажем, традиционная английская раскладка называется «qwerty» – по первым буквам первого ряда. Ныряем в «Гугл». Русская раскладка клавиатуры – прощу: «йцукенг», по тому же принципу. Уже тепло. Бросаем на принтер.

– Так что тепло? – недоуменно спросила Эли.

– Это значит, что нормальная русская клавиатура не фонетична в сопоставлении с английской. Иначе говоря, чтобы напечатать «t», на английской нужно нажать клавишу «t». Но при печатании буквы «т» по-русски клавиша будет совсем другой.

– Какой?

– Картинка на всезнающем «Гугле» уверяет нас, что, печатая на русской клавиатуре с языком, переключенным на английский, нам для буквы «t» необходимо нажать четвертую клавишу в первом ряду, то есть «е». Дальше, как видите, все просто: берем в «Гугле» картинку параллельной русско-английской клавиатуры. Ну вот, красота, да и только. Желтеньким цветом на клавишах – кириллица, то есть русский, белым – английский, куда более знакомый нам. Так. Принтер выбросил картинку. Теперь уступаю место вам.

– И что я должна делать?

– Печатать по-английски то, что лежит перед вами на тарабарском. Для начала напечатать заглавную русскую «Е». Чтобы буква была заглавной, нужно нажать Shift, а уже потом нужную клавишу.

– Послушайте, Артур, надеюсь, вы не начнете объяснять, что такое клавиша, – сердито выпалила Эли.

– Миль пардон, мадемуазель, миль пардон. И в мыслях не держал вас обидеть. Но информация никогда не бывает лишней.

– Ладно. Работаем. Не уверена, что из этого что-то получится...

Shift. Клавиша «Е», в результате давшая английскую «Т».

– Ну вот. В том же духе и дальше. Теперь клавишу, где желтым написано «щ».

Довольно скоро Эли научилась находить требуемые буквы кириллицы, и на экране стал появляться текст на латинице, причем английский!

«Артуру, девятому баронету МакГрегору.

Дорогой сэръ! Надеюсь, эта бумага попадет к вам...»

– Вот это уже не кажется мне полной бессмыслицей, – заявил Артур. – Но давайте дальше!

«Я кое-что приготовил для вас на случай, если мне не удастся самому этим воспользоваться. Уж вам-то, я уверен, нетрудно будет это найти, несмотря на некоторую загадочность моего послания. Предмет, о котором идет речь, укрыт в бывшей Вересковой деревушке. Координаты укрытия найдете в западной части монастыря, в гардеробе внука палача тамплиеров. Обратите внимание на дату венчального платья его супруги.

Внимание! Строя координаты и шифр, сейчас и впредь даты записывайте по-американски, т. е. месяц-день-год. Часть шифра находится не так уж далеко от места, где вы найдете координаты, на внутренней поверхности большого звонка, названного то ли в честь боксера, то ли инженера-литейщика. Вторая, она же последняя, часть шифра – на основании грот-мачты девушки в короткой рубашке».

– И что мы будем делать с этой новой чертовщиной? Гардеробы, звонки, тамплиеры, девушка с какой-то мачтой! – воскликнула Эли. – Это же просто бред!

– Нисколько. – Артур усмехнулся. – Единственное, что удивило меня, так это то, что профессор – да покоится он с миром там, где обитают ученые-атеисты, – не сделал задачу поинтереснее. И почему, кстати, он решил, что именно я запросто разгрызу его ребус-орешек?

– Ответ на этот вопрос известен даже мне. Лонгдейл некогда был студентом вашего покойного деда, профессора МакГрегора. Позднее тот не раз оказывал Лонгдейлу материальную помощь в его экспедициях.

– Значит, он решил, что вытряхнуть пару монет из еще одного МакГрегора будет несложно. Но, простите, дорогая, я прервал вас.

– Со слов Лонгдейла я знаю, что профессор с гордостью и даже некоторым удивлением рассказывал о феноменальных способностях своего внука...

– То есть о моих? – наигранно удивился Артур.

– Ваших, баронет, ваших. Профессор МакГрегор утверждал, что нет такой головоломки, которую его внуку не удалось бы разгадать. Он приводил пару-тройку примеров. Лонгдейл, смеясь, рассказывал, что найти ключ к решению этих очень непростых загадок не удавалось никому из студентов.

– Ничего удивительного, – скромно произнес Артур. – Ведь среди них не было меня. Но сейчас на кону загадка, придуманная вашим мэтром. Выглядит не слишком головоломно...

– Для меня этот текст выглядит тотальной абракадаброй, – заявила Эли.

– Это только на первый взгляд. – МакГрегор улыбнулся и позвал: – Джеймс!

Робертсон возник как из-под земли. Артур быстро набросал коротенькую записку и вручил ее дворецкому.

– Съездишь к Пуффи Кобэму, это адрес. Я ему позвоню. Привезешь то, что он тебе вручит. Туда и обратно. И скоренько.

– Я езжу ползком лишь тогда, когда ваша светлость мне это приказывает, – обиженно отозвался Робертсон, взял записку и исчез.

Артур снял трубку радиотелефона, набрал номер.

– Будьте добры, виконта Кобэма. Пуффи! Старый черт, а я тебя и не узнал. Арти МакГрегор, кто же еще? Прости, что так рано, надеюсь, не разбудил. Пуффи, сколько лет, сколько зим! Последний раз, помнится, мы встречались на годовщине выпуска. Тогда ты вылил себе на голову чашу пунша, а потом вытер физиономию о жилет Попрыгунчика Фортескью. Старина Пуффи!.. – Пауза. – Только не старайся казаться глупее, чем ты есть. Конечно же, звоню я не для того, чтобы напомнить тебе о купании в пунше. Слушай, мне нужен один документец. Твой. Да не паспорт. У меня и свой есть. Нет, совсем другой. Ты ведь у нас шишка не мне чета. Угадай: есть у виконта, может понадобится баронету, но у него этого нет. Считаю до ста двадцати. Почему так много? Да ведь быстрее тебе не сообразить. – Пауза, потом раскатистый хохот Артура. – Чувства юмора ты не потерял. Да, угадал. Именно этот документец. Ну, на такой случай ты всегда можешь сказать, что потерял или украли. Вот и лапушка, Пуффи. Дворецкого я уже отправил. Да ты его знаешь: старина Джеймс Робертсон. Сунь в конверт, отдай ему. И не переживай ты так. Не банк же я с твоей корочкой брать собираюсь. Давненько мы, кстати, не сидели в доброй компании, а, Пуффи? Сейчас у меня дело на день-два, а потом и сообразим. Кстати, слышал? Нашего Фортескью, чей жилет или манишку – да и какая разница! – ты попользовал в качестве полотенца, прочат в кабинет! Ну, уж какой там будет портфель, дело десятое. Но посидеть бы нам надо, пока он до премьеры не взлетел. А то ведь потом уже не по рангу. Пока, дружище. И спасибо за выручку. – Артур прекратил разговор.

– Мне показалось, будто я только что прослушала диалог из «Дживза и Вустера», – сказала Эли. – Пуффи, пунш на голову... Элита великой Британии!

– Беда в том, что не совсем, – откликнулся Артур. – Видите ли, милая Эли, титул баронета звучит внушительно, но не делает тебя пэром, а значит, и членом палаты лордов. А балбес Пуффи – виконт. Он наделен правами пэрства с рождения.

– И вам, баронет, отчего-то позарез понадобилось стать пэром. Моя догадка верна?

– На все сто. Да вы же читали записку Лонгдейла.

– И практически ничего из нее не поняла.

– Но это же до невероятия просто! На месте бывшей Вересковой деревушки ныне находится аэропорт Хитроу¹⁷. Лонгдейл, как вы мне говорили, прилетел из Афин, значит, речь идет об «Эгейских авиалиниях». Их самолеты прибывают к терминалу номер один. Значит, там и находится камера хранения, где Лонгдейл поместил свой таинственный предмет. Теперь дело за малым. Надо всего лишь выяснить номер ячейки и шифр.

– Девица с грот-мачтой?

– Не так сразу, Эли. Давайте не будем спешить. Тем более что ваш профессор сыграл не вполне по правилам. Что это? «В западной части монастыря»? Под этим набором слов не слишком глубоко скрывается Вестминстер. Но это же махина с множеством исторических, религиозных и политических зданий и центров. Значит, нам с вами придется танцевать от тамплиеров. Так всегда и случается во всех нынешних исторических триллерах. Палач тамплиеров – не вопрос, речь, конечно, о французском короле Филиппе Красивом. Но что такое «гардероб внука палача»? Во-первых, мы знаем, что это в Вестминстере, во-вторых, речь о личных вещах или даже сокровищах «внука палача».

¹⁷ Heathrow – по-английски «вересковый ряд».

Тогда выбора нет: речь идет о знаменитой Башне сокровищ Эдуарда Третьего Плантагенета. Мне доводилось разок бывать в ней. Не особо приметная снаружи трехэтажная башня, построенная специально для хранения личных ценностей короля и его супруги. Внутри она впечатляет гораздо больше. Думаю, обратив все, что там находится, в деньги, можно было бы оплатить внешний долг Соединенного Королевства. Туда можно попасть и с экскурсией, но это делается заранее.

– Значит, посещение башни переносится?

– Ни в коем случае, Эли. У нас на это нет времени. За мной – за нами – идет охота, вам ли это не знать. Значит, наша задача: выяснить, кто и почему охотится, как нейтрализовать угрозу. Кстати говоря, собрав кусочки лонгдейловского пазла воедино, мы отправимся на поиски таинственного предмета. А ведь вы наверняка голодны. Может быть, сначала хороший сытный завтрак?

– Хороший, сытный и долгий – в следующий раз, Артур. Но вот от сэндвича с крепким – очень крепким – кофе я бы не отказалась. Всю ночь меня словно трясло в гигантском шейкере: ваше похищение, убийство Лонгдейла, полиция... Кофе!.. Но ведь Джеймс уехал по вашему заданию.

– С такой задачей прекрасно справится и горничная.

Сэр Артур нажал кнопку селектора, стоявшего на небольшом столике рядом с компьютерным столом, и одними губами произнес:

– Кухня.

– Слушаю вас, сэр, – ответил тихий, усталый голос из спикера.

– Лилит, тебе не трудно было бы сделать пару сэндвичей с... – Он вопросительно взглянул на Эли.

– С сыром и зеленью, – мгновенно ответила она.

– Один с чеддером и зеленью и один с ветчиной. Ах, да, и кофе, будь добра. Вам?

– Очень крепкий, сладкий, со сливками.

– Ты слышала, верно, Лилит?

– Да, сэр.

– Ну а мне как всегда. Черный, без сахара, но тоже крепкий.

– Будет через пять минут, сэр.

– Дворецкий? Горничная? Вот что значит жить красиво. – Эли подмигнула хозяину дома.

– Еще кухарка и садовник. Я баронет или нет? Баронет. Богач? Настоящий, спасибо предкам. Уж на пару сэндвичей моих денег как-нибудь хватит.

Через пять минут миловидная девушка, одетая так, как одевались горничные, наверное, в начале XX века, негромко постучала о косяк открытых дверей кабинета.

– Все на подносе в столовой, сэр. Или вы предпочтете, чтобы я принесла это сюда?

– Нет-нет, Лилит, благодарю. Мы пройдем к большому столу.

Пока горничная стояла в дверном проеме, Эли внимательно рассматривала ее. Та почти не поднимала глаз, скрестив руки на черном переднике. Ровные мягкие черты лица, слегка поджатые губы, стоит как по линейке, само воплощение скромности. Большие глаза, заметные круги под ними – признак физической измотанности. С общим обликом девушки это как-то не вязалось. Зато голос!.. Тихий, с нотой печали и одновременно мелодичный.

Эли искоса бросила взгляд на Артура. Да или нет? Есть между ними что-то? Вряд ли. Уж больно похожа она на воспитанницу пансионата. Пожалуй, даже с небольшим перебором.

Артур и Эли поднялись, чтобы направиться в столовую.

Лилит поклонилась и так же, с руками на переднике, спросила:

– Я вам еще нужна, сэр?

– Нет, спасибо, дорогая. Мы управимся за десять минут. Ты свободна.

Девушка удалилась мелкими семенящими шажками.

Эли покачала головой и сказала:

– Интересная юная особа. Я и не думала, что таких еще производят. Где вы ее разыскали? И до чего неподходящее имя: Лилит¹⁸. Расскажите о ней!

– Эге! – отозвался Артур, наливая кофе в чашки и подвигая Эли сахарницу и молочник с подогретым молоком. – Если бы вы знали хоть сотую часть всего! Однако рассказать о ней и ее фантастически непростой жизни мог бы лишь один человек. Увы, он давно скончался.

– Диккенс?

– Достоевский.

Дожевывая сэндвич, Артур достал из кармана домашней бархатной куртки начатую пачку сигарет и вопросительно взглянул на Эли. Та уже доедала свой мини-завтрак.

– Ради бога, прошу вас. Какой же кофе без сигареты, – отреагировала она.

Артур протянул пачку ей. Она отрицательно помотала головой и достала словно из ниоткуда синюю пачку «Голуаз».

Артура передернуло.

– Как вы их курите? Это же убийство!

– Как и любой табак. А курю я их вот так. – Она подождала, пока Артур щелкнет «Ронсоном», и продолжила: – Сначала в себя. – Затяжка была сделана с явным наслаждением. – Потом из себя. – Эли выпустила облако сизого дыма.

– Оригинально, – заметил МакГрегор, попыхивая своей сигареткой.

За окном у тротуара мягко заурчал двигатель «Роллс-Ройса». Артур подбежал к окну, раскрыл его и увидел, как в окошко автомобиля высунулась рука Джеймса с поднятым большим пальцем.

– Готово.

– Значит, в дорогу? Уже одеваюсь, – откликнулась Эли.

Сев в машину, Артур поднял стеклянную перегородку и вскрыл небольшой желтый конверт, который доставил ему дворецкий. Там была какая-то книжечка в кожаной обложке размером с водительские права, бывшие в ходу до эпохи пластиковых карточек.

– Можно? – спросила Эли, взяла документ, открыла его. – Бог мой! Да вы похожи!

– В этом и весь смысл. – Артур улыбнулся. – А ведь приятно прокатиться на машине с членом палаты лордов, согласитесь.

– Безусловно. Если нас не прихватят на этом мелком мошенничестве.

– Вообще говоря, это уголовное преступление. Но не прихватят. Почему, кстати, вас удивило наше сходство? У него должно было быть три уха или?..

– Нет, просто по телефону вы все время повторяли: «Пуффи, Пуффи». Вот я и решила, что это будет такой розовощекий поросенок. А здесь вполне пристойный джентльмен.

Артур расхохотался.

– А ведь вы угадали. В Кембридж он и пришел эдаким поросеночком, с округлым животиком и походкой вперевалку. Но наша alma mater и неизбежная в Кембридже гребля все-таки сделали из него человека. К третьему году он уже участвовал в регате с Оксфордом. К четвертому году учебы нас с ним порой путали: тот же цвет волос и глаз, тот же овал лица, вдобавок и пузцо исчезло. Так что, Эли, позвольте представиться: виконт Кобэм, к вашим услугам.

– Не очень впечатляющий сертификат, дорогой виконт.

– А это не сертификат, а всего лишь удостоверение личности. Пропуск. Проехать там да сям, попасть туда, вот как мы сегодня. А сертификат – о, это нечто, настоящее произведение искусства. Тисненное золото на лучшей бумаге, все положенные гербы, печати и подпись ее величества. У Пуффи такая штука в дорогой рамочке красуется в гостиной.

¹⁸ В каббалистических легендах – первая жена Адама. После разрыва с ним стала ночным демоном, убивающим младенцев и доводящим до полного бессилия спящих мужчин. То же, что суккуб в средневековой мифологии.

– А как его зовут, вашего Пуффи? Не могу же я к вам на людях так и обращаться: «Пуффи, дорогой, ты опять потерял нашего мопсика?»

– Разумно. Но вот, видите, написано: «Джеффри Кобэм». Можно просто Джефф. Несложно запомнить. Так же, как и то, что вы – Элеонор.

– Почему? Еще проще. Эли – Элеонор. Ведь, назови вы меня Эли вместо напыщенного Элеонор, никто не среагирует. Может, так и будем делать, все-таки привычнее?

– Согласен. Но добавлять «дорогая» при этом обязательно.

– Возражений нет.

Небольшой черный «Форд» свернул с Блю Энкор-лейн на Форт-роуд и через пару миль выехал к берегу Темзы. Слева от него высились краны и строения порта Тилбери, но не порт был его целью.

Водитель заглушил двигатель, выбрался из машины и пешком двинулся к воде. Одет он был неброско и к месту: джинсы, высокие ботинки, свитер, утепленная джинсовая куртка и вязаная шапочка. В двухстах метрах от него на воде покачивался катер, точнее, его корма. Нос уже был выгашен на песчаный берег.

Мужчина махнул рукой. Человек на катере, одетый как обычный лондонский докер, ответил ему тем же. Водитель «Форда» направился к небольшой посудине.

Дойдя до нее, он дождался, пока шкипер катера спрыгнул на землю. Они обнялись.

– Слава Иисусу Христу, брат Дидимус! – произнес шкипер.

– Во веки веков, аминь, брат Франциск, – отозвался приехавший.

– Рад видеть вас в добром здравии, брат, – сказал шкипер.

– И я рад нашей встрече. Заказ приехал?

– Доставлен в лучшем виде.

Шкипер сделал знак рукой, и на берег с борта катера спрыгнул матрос с продолговатым плоским чемоданом, который он бережно прижимал к груди.

– Брат Франциск, понятно, что мы не будем рассматривать заказ прямо здесь, на берегу. Кто знает, какие видеокамеры порта куда направлены и какова их разрешающая способность. А уж дома я поиграю с привезенным вволю. Пока просто скажите, что привезли.

Брат Франциск слегка удивленно пожал плечами.

– В точности то, что было заказано, брат. «M40A5» с глушителем, десятикратная оптика «Unertl». Да что я вам рассказываю, вы же эту игрушку как родную знаете.

Брат Дидимус довольно хмыкнул.

– Ночная оптика? – спросил он.

– Как положено, съемный вариант «AN/PVS-22».

Дидимус протянул ключи от машины матросу, продолжавшему прижимать плоский продолговатый чемодан к груди.

– Будь любезен, брат...

– Роберто, – с готовностью откликнулся тот.

– Будь любезен, брат Роберто, положи кейс в багажник моего «Форда». Постарайся засунуть его поглубже, под заднее сиденье.

– Есть! – отпартовал тот.

– Мы не в армии и не в легионе. С богом. Брат Франциск, игрушка, из тех, что поменьше, тоже в кейсе?

– Конечно, брат Дидимус. И тоже в соответствии с заказом. SIG Sauer GSR. Версия «Скорпион», с глушителем и ночной оптикой. – Его вдруг передернуло.

– Что-то не так, брат Франциск?

– Страшная машинка. Просто представил себе... пуля калибра одиннадцать с половиной миллиметров, да еще, не дай господь, в живот!..

Дидимус рассмеялся.

– Главное, помнить задачу, брат. А задача в том, чтобы мы, а не в нас. Но вы правы, машинка серьезная. Еще в легионе, помнится, стрелял я из такой в местного полицейского в одной жаркой стране. Попал точно в плечо. Рука отлетела вмиг. Я глазам своим не поверил. Серьезная машинка. – Он обнял собеседника. – С богом, дорогой брат. И как там у вас – семь футов под килем?

– А нам больше и не надо, с такой-то посудинкой. Храни Господь, брат.

И Франциск зашагал к издававшему виды катеру, а Дидимус отправился к автомобилю по мелким бурунам песка. Они пересеклись с братом Роберто, так же церемонно обнялись, пожелали друг другу опеки Господней.

Проверив, как уложен кейс, Дидимус набросил на него байковое одеяло в пятнах машинного масла, закрыл багажник и сел за руль. Через пять минут он уже свернул с Форт-роуд на Блю Энкор-лейн и двинулся в сторону города.

– Come together, right now over me¹⁹, – внезапно раздалось не слишком мелодичное пение баронета МакГрегора.

– Что с вами, дорогой виконт? – удивленно спросила Эли.

– Эх, молодо-зелено, – отозвался Артур. – Если вы не узнали пешеходный переход²⁰, то посмотрите хотя бы на название улицы.

Эли посмотрела и пожала плечами.

– Ну, хорошо. Эбби-роуд. Но ведь еще не Вестминстер.

– Теперь скажите, что название The Beatles вам тоже ничего не говорит, и мы сегодня же оформляем развод, виконтесса.

– Слово вообще-то знакомо, – произнесла Эли с издевкой. – Но вот эпоха... Это что-то из позапрошлого века или восемнадцатого?

– Из каменного, – буркнул Артур, изображая обиду.

– Мне очень жаль, виконт, но я изучала историю, то есть те времена, когда люди уже умели писать, а не доисторические эпохи. – Она рассмеялась. – Но все-таки мне больше всех остальных нравится Весаусе из того же альбома. Очень приятная, мелодичная вещь.

– Ладно. На сегодня развод отменяется. То есть пока, до поры до времени.

Перегородка между шофером и пассажирами с жужжанием открылась.

– Мы подъезжаем, сэр.

«Роллс-Ройс» подкатил к пропускному пункту. Джеймс остановил его так, что сидевший справа Артур оказался прямо у окошка, в котором сияла розовощекая физиономия полицейского. Баронет МакГрегор распахнул корочку члена палаты лордов виконта Кобэма. Полицейский взял под козырек, а левой рукой нажал кнопку подъема шлагбаума.

– Удачи, сержант, – ласково, как и положено высокой особе, произнес Артур, когда машина двинулась.

– И вам доброго дня, милорд, – донеслось вслед.

– Здесь сворачивай налево, Джеймс. Не будем же мы ставить машину у парламента. Воспользуемся платной стоянкой у Вестминстерского аббатства.

Так они и сделали.

Выбравшись из машины, Артур осмотрелся. Аббатство он видел далеко не первый раз, и не оно было его целью. Однако где же эта Башня сокровищ? Ведь он в ней как-то даже был. Но Вестминстер... Это огромный город сам по себе. Заблудиться в нем не сложнее, чем в каком-нибудь Париже.

¹⁹ Припев композиции The Beatles «Come Together» из альбома «Abbey Road».

²⁰ На обложке альбома, о котором речь, битлы цепочкой пересекают Эбби-роуд по зебре пешеходного перехода.

Внезапно в поле зрения Артура попал человек в темно-синей форме с эмблемой охранной фирмы на рукаве. МакГрегор двинулся в его направлении, помахивая рукой.

– Сэр! Одну минутку, сэр!

Человек обернулся и пошел навстречу Артуру.

– Чем могу быть полезен, сэр?

– Мы пытаемся найти Башню сокровищ короля Эдуарда Третьего. Не очень высокая трехэтажная готическая башня, мне в ней доводилось бывать. Но как добраться до нее отсюда? Вам знакомо это строение?

– О да, сэр. Но сдается мне, сегодня она закрыта для экскурсий.

– Вот ведь невезение!.. Жена приехала всего на один день, у нас возник небольшой спор, и я хотел показать ей кое-что из гардероба королевы Филиппы Геннегау. Ее наряды ведь тоже там, в башне.

– Вы совершенно правы, сэр. И по части гардероба, и по части невезения.

– Они не сделают исключения даже для члена палаты лордов? – Артур достал из внутреннего кармана волшебную корочку и раскрыл ее.

– О, милорд, думаю, для вас исключение можно сделать. Идите прямо по этой аллее около сотни ярдов, потом сверните направо и через полсотни ярдов – налево. Ошибиться будет невозможно, тем более что башня вам знакома. Я тем временем предупрежу охрану. – Он еще раз взглянул на пропуск и достал из чехла рацию. – Болтон! – Потом этот человек посмотрел на Артура и поинтересовался: – Сколько времени вы хотели бы там провести?

– Бог мой, минут пятнадцать-двадцать, не более. Нас интересует вполне конкретный предмет.

– Болтон!

– Слушаю, сэр, – задрезжала мембрана рации.

«Везет! – подумал Артур. – Нарваться сразу на старшего, который вдобавок принял морду старины Пуффи и мою собственную за чистейшую монету».

– Можете идти к башне, милорд, вас будут ждать.

Удаляясь, Артур и Эли слышали, как шеф охраны отдает распоряжения Болтону. Следуя полученным указаниям, они вышли к башне за какие-то десять-двенадцать минут. Полноватый охранник – видимо, тот самый Болтон – уже стоял на ступеньках, ведущих в башню, и крутил головой, высматривая высокородных гостей.

Увидев приближающуюся пару, он бросился им навстречу.

– Виконт Кобэм! Виконтесса! Я – охранник Болтон. Мой шеф мистер Шоу сообщил мне о вашем прибытии. Прощу вас.

Поравнявшись с Болтоном, Артур протянул ему руку, которую тот принялся трясти так, словно во всей славной Англии до сих пор не видел живого аристократа и не устаивался чести пожать руку титулованной особы.

Потом Болтон пропустил их вперед и, сопя, сказал:

– Мистер Шоу говорил, что вы интересуетесь какой-то конкретной вещью. Это верно?

– Вы совершенно правы, Болтон. Венчальным платьем королевы.

– Тогда на самый верх нам не нужно. Гардероб на втором, то есть здесь же. Марли! – позвал Болтон. – Это смотритель музея. Ну же, Марли!

– Чего тебе? – отозвался хриплый голос сверху.

– Спустись сюда. У нас важные гости.

– Неужели ее величество?

– Пэра Англии, члена палаты лордов вам будет недостаточно, мистер Марли? – невероятно аристократичным голосом отозвался Артур, произнося в нос едва ли не каждый звук.

Раздался топот башмаков по ступенькам, и перед гостями возник смотритель, маленький, рыжий, в толстенных очках и клетчатом пиджаке.

«Отчего бы и нет, – подумал Артур. – Ведь сегодня неприятный день».

Его бакенбарды дали бы серьезную фору дворецкому Джеймсу Робертсону.

– Смотритель музея Пол Марли к вашим услугам, господа, – он церемонно поклонился.

– Дорогой мистер Марли! – МакГрегор, он же виконт Кобэм, не стал терять время на официальные представления. – У нас с супругой возник серьезный спор. Конфликтом я его, правда, не назвал, но... Скажите, у вас как-то помечаются даты, когда тот или иной, скажем так, экспонат попал в сокровищницу?

– Не только когда попал, но и откуда, ваша милость! Эти данные представлены и на табличках у каждой из выставленных вещей. Вас интересует что-то конкретно?

– Да, Марли. Нам хотелось бы видеть платье, в котором королева Филиппа Геннегау шла под венец.

– Это здесь же, милорд, на этом же этаже. Будьте добры проследовать за мной. – Смотритель подпрыгивающими шажками двинулся вдоль рядов платьев, костюмов, камзолов и прочих предметов одежды, спрятанных в защитные стеклянные футляры. – А вот и оно, – Марли сделал широкий дугообразный жест рукой, словно сам только что сшил драгоценное платье.

– Какая безвкусица, – шепнула Эли на ухо Артуру.

– Отчего же? Вам оно пришлось бы к лицу, – отозвался он.

Эли, однако, была права. Показаться в таком платье на улице было бы очень забавно. Длиннущее, белое, сверкающее отделкой из драгоценных камней, с полою длиной едва ли не в два ярда...

Ага. Вот и табличка. Она гласила:

«Подвенечное платье супруги короля Эдуарда III. В этом платье она венчалась 24 января 1328 г. Платье было изготовлено в мастерской мэтра Жермо и доставлено во дворец 10 января 1328 г. Тогда же внесено в реестр сокровищницы Его Величества».

– Подумайте только. – Смотритель всплеснул руками. – Двадцать третьего декабря будущая королева прибыла в Лондон, а двумя неделями позже этот шедевр уже был готов для королевского венчания в соборе Йорка. Какие были мастера!

Артур приподнял бровь. Главным его предметом в Кембридже была история, но этот рыжий карлик по части исторических дат разбил его наголову.

– Французы... – с оттенком гордости в голосе шепнула Эли.

– Какая безвкусица, – так же шепотом повторил он ее прежнюю оценку и добавил уже вслух, обращаясь к Марли: – Могу ли я записать обе даты? У вас найдется какой-нибудь обрывок бумаги?

Веснушчатая рука смотрителя сунулась в карман пиджака и вынырнула с блокнотом и авторучкой.

Он протянул их МакГрегору и сказал:

– Прошу вас, милорд. После просто оторвите страницу с записью.

Артур записал обе даты. Кто знает, какую из них имел в виду Лонгдейл? Потом член палаты лордов вернул авторучку и блокнот их владельцу и протянул ему руку.

Марли почтительно, с полупоклоном пожал ее и произнес:

– Для меня это такая честь, ваша милость!

– Марли, вы упомянули о дате приезда королевы в Лондон. Вы что, помните все даты, связанные со здешними экспонатами? – не отнимая руки, спросил Артур.

– О да, милорд. Для меня это дело принципа.

– В таком случае, познакомиться с вами – это честь для меня, любезнейший мистер Марли.

Уже оказавшись снаружи и отойдя от башни на приличное расстояние, Эли не выдержала и прыснула.

– Каков гном! Конечно, будь он плейбоем с сотнями миллионов фунтов в кармане, на кой черт бы ему все это знать.

– Плейбой с миллионами, но отнюдь не в кармане, окончил Кембридж, дорогая Эли. Основная специальность – история. Но не история того, когда и каким Жермо, – он нарочито произнес это на карикатурно-французский манер: «Жегмо» – сварганена какая-то чудовищная тряпка, – сердито отозвался Артур. – Так вот, юмористы. Вопрос на засыпку. В чем юмор на уровне косметических салонов в браке этих двоих?

– Вы об Эдуарде Третьем и его невесте Филиппе Геннегау?

– Да.

– Просветите, виконт.

– Вы не находите ни щепотки юмора в том, что внук Филиппа Красивого женится на правнучке Филиппа Лысого?

Эли захохотала, но тут же прикрыла рот рукой. К ним подходил шеф секьюрити мистер Шоу.

– Виконт, виконтесса, надеюсь, все прошло так, как вам было нужно? – поинтересовался он.

– Да, мистер Шоу, – ответил Артур. – Не могу выразить словами, как мы благодарны вам за вашу помощь.

– Пустяки, – с поклоном отозвался тот. – Всегда к вашим услугам. Вот, на всякий случай. – Он протянул псевдовиконту свою визитку с номером мобильного телефона.

– Благодарю, – сказал Артур. – Надеюсь, до встречи. – Он протянул руку, которую мистер Шоу почтительно пожал.

Джеймс дожидался их, попыхивая классической шотландской трубочкой с узким мундштуком.

– К Биг-Бену вы отправитесь пешком, сэр? – поинтересовался он.

– Нет. Подъемом с некоторой помпой, – ответил Артур. – И в башню пойду я один.

– С чего это вдруг? – вспыхнула Эли.

– У англичан странные законы и правила. Иностранцы вообще не допускаются в башню, а подданные короны могут попасть туда только по предварительной заявке, поданной членом парламента. Кроме того, Эли, там нет лифта. Вам пришлось бы подниматься по тремстам тридцати четырем ступеням. Соответственно, столько же и назад. Но сейчас к ним придет не заявка, а самый настоящий член палаты лордов. Не имеют права отказать. И время, вы сами знаете, нас поджигает.

– Тогда зачем его тратить на этот чертов колокол?

– Я пытался вам объяснить по дороге, но вы были увлечены красотами столицы бывлой империи.

– А если повторить, хотя бы в двух словах?

Артур достал письмо Лонгдейла, переведенное с тарабарского, и прочитал короткий фрагмент вслух:

– «Часть шифра находится не так уж далеко от места, где вы найдете координаты, на внутренней поверхности большого звонка, названного то ли в честь боксера, то ли инженера-литейщика».

– И?..

– Вы вряд ли являетесь любительницей пива, виконтесса.

– Это правда. И?..

– В противном случае вы знали бы, что половина споров в пабах состоит в том, в чью честь назван Большой Бен: то ли конструктора и литейщика сэра Бенджамина Холла – Бен номер один, который руководил установкой колокольчика, – то ли чемпиона Англии по боксу в тяжелом весе тех же времен Бенджамина Конта – Бен номер два. Вы поняли меня?

– Да, – буркнула Эли и прижалась носом к окошку «Ройса».

Они действительно подкатили к башне с помпой. Джеймс в форменной шоферской фуражке буквально вылетел из-за руля, чтобы открыть самозваному виконту дверцу.

Тот выбрался из машины и зашагал по ступеням ко входу, у которого стояла королевская охрана в медвежьих шапках.

– Виконт Кобэм, – небрежно бросил Артур, махнув раскрытым пропуском перед носом гвардейцев. – Мне нужно осмотреть Большой Бен на предмет его готовности к предстоящим международным торжествам.

– Каким, сэр? – неосторожно поинтересовался младший из двоих гвардейцев.

– А это, сэр, вас совершенно не касается, – заявил визитер, упирая на «сэр».

Пока оба гвардейца пребывали в легком нокдауне, Артур шагнул в распахнутые двери. Войдя внутрь, он сунул парламентский пропуск старшему инспектору башни и объяснил ему свою задачу. Тот настоял на том, что поднимется вместе с виконтом.

Длинноногий МакГрегор шагал через две ступеньки. Пожилой инспектор едва поспевал за ним. Однако, оказавшись на площадке с гигантским колоколом, оба дышали с трудом. Подъем действительно был утомительным. Артур от души пожалел человека лет шестидесяти, которому приходится совершать такое несколько раз в день.

Виконт с озабоченным видом обошел колокол, похлопывая по его поверхности ладонью, потом остановился и обратился к инспектору:

– Мне нужно видеть и внутреннюю поверхность.

Тот молча сделал жест, мол, прошу вас, но не тронулся с места.

Артур нырнул под край Биг-Бена, но понял, что поторопился. Там было довольно темно.

Он вылез наружу и, смущенно улыбаясь, обратился к спутнику:

– Простите, у вас не найдется фонарика?

Тот так же молча вынул из инструментального пояса, утыканного всякой всячиной, от отверток до гаечных ключей, фонарик на светодиодах и протянул его проверяющему.

Артур снова полез внутрь. Белый прямоугольничек бумаги, приклеенный крепким скотчем, МакГрегор увидел почти сразу. Двигаясь гусиным шагом, вприсядку, он добрался до него, постучал по поверхности колокола, чтобы создать хоть какой-то шум, и одним движением оторвал записку. Он уже видел, что на бумаге написаны цифры. Значит, это было то, за чем Артур явился сюда.

Сунув записку в карман, он вынырнул из-под Большого Бена, вернул фонарик его владельцу, деловито отряхнул руки и лацканы пиджака.

– На мой взгляд, – сказал визитер, – все в порядке. Полный отчет будет отправлен вашему начальству.

– Как скажете, – буркнул инспектор, и они двинулись вниз.

Увидев выходящего из дверей Артура, оба гвардейца от неожиданности взяли на караул.

– Вольно. – Он лениво помахал ладонью. – Я все-таки не принц Уэльский. – С этими словами Артур бодро сбежал по ступеням к машине.

Джеймс снял фуражку и в почтительном полупоклоне уже открывал заднюю дверцу.

Глава 9

Брат Дидимус, сидевший за рулем, потянулся, открыл бардачок, достал оттуда гарнитуру для мобильного и положил ее на приборную доску.

Кардинал Кшышовский со вздохом достал очередной предоплаченный телефон и заметил, подключая к нему наушники и микрофон:

– С этими одноразовыми игрушками мы вылетим в трубу, причем очень быстро.

– Не вылетим, ваше преосвященство. За нами орден, – флегматично откликнулся Дидимус, не отрывая взгляда от дороги.

Потом он одним движением набросил на себя телефонную гарнитуру и протянул кардиналу бумажку с номером. Тот набрал его.

– Брат Алонсо? – проговорил Дидимус в микрофон. – Слава Иисусу Христу, брат! Что удалось выяснить по особняку напротив? Я почему-то так и думал. – Он повернулся к кардиналу и, улыбаясь, сообщил: – Особняк напротив МакГрегора куплен русскими. Да, брат Алонсо. Хозяев нет уже месяц? Прекрасно. Кто присматривает за домом? Адрес смотрителя известен? Чудесно. На сегодня его нейтрализовать. Нет, не на все. Вытащить из него коды всех замков и ключи от тех дверей, где эти штуковины еще в ходу. Мне нужна гостиная второго этажа. Выбить из смотрителя все о скрытой сигнализации. Нам не требуется никаких сюрпризов. Мой номер у вас высветился? Значит, до вашего звонка телефон я не выбрасываю. Храни вас Господь, брат Алонсо. – Он сбросил гарнитуру себе на колени.

– Невероятно, – с улыбкой произнес кардинал с пассажирского сиденья. – Нам не придется тратить на покупку еще одного телефона?

– Пока, ваше преосвященство, пока. До звонка от достойного брата. Но потом нам снова понадобится связь.

«Такое ощущение, что этот слизняк хоть за что-то платит из собственного кармана», – раздраженно подумал брат Дидимус, ни на секунду не выпуская из виду задние огни огромного «Роллс-Ройса», шедшего через две машины от них.

Они двигались в тесном потоке машин по улицам Лондона. Короткий зимний день подходил к концу, уже начинало смеркаться. Все автомобили ехали с включенными фарами, что создавало впечатление довольно позднего вечера.

– Сэр! – раздалось с сиденья водителя.

– Да, Джеймс? – откликнулся Артур.

– Вы уверены, что нам стоит ехать в Гринвич именно сегодня?

– А что-то этому мешает?

– Гринвич? – встрепелась задремавшая Эли. – Почему Гринвич?

– Дорогая виконтесса! – Артур улыбнулся. – Вы сегодня явно не в лучшей форме. Сначала проблема с Биг-Беном, теперь это? Мы ведь говорили о девушке в короткой рубашке из записки Лонгдейла, еще только выехав из дома. Не помните? – Он нараспев продекламировал:

Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.

Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет

В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...²¹

– Я-то знаю, что со мной, – зевнув, сказала Эли. – Объясню вам позже, когда приедем домой. Бернс и Нэнни. – Она снова зевнула. – Грот-мачта... Все. Я вспомнила. «Катти Сарк»²². На шотландско-гэльском так оно и будет: «Короткая рубашка». Но почему Гринвич?

– Потому что легендарный клипер стоит именно там, в сухом доке, – сказал Артур. – В Гринвиче. Так в чем проблема с Гринвичем, Джеймс?

– Проблема в том, что, по-моему, нам не стоило бы вести за собой наших друзей от точки к точке. Потом они повторяют все наши шаги и выяснят то, что хотим узнать мы. Я заметил их, когда они упали нам на хвост у Биг-Бена. Нет гарантий, что их не было и у Башни сокровищ. Зачем же вести этих ребят за собой еще и к «Катти Сарк»?

– Кто они такие?

– У Биг-Бена со скучающим видом, но на расстоянии от башни, чтобы не слишком бросаться в глаза, прогуливались два типа. Оба в черном. Брюки, свитеры, куртки, небольшие шапочки типа еврейских ермолок. Но вроде не священники. Белых воротничков я не видел. Еще черные шелковые перчатки на руках у того, что постарше. Я не знаю, кто они, сэр, но не думаю, что друзья.

– Черные перчатки, говорите? – нахмурившись, спросил Артур. – Они сразу двинулись за нами?

– Почти.

– Почему же ты не попробовал оторваться, улизнуть куда-нибудь вбок?

– Две существенные сложности, сэр. Первая: Лондон в час пик. Вторая: мы едем на «Роллс-Ройсе» длиной в шесть с лишним ярдов, а они – на крошечном двухместном «Смарте». Так кому же из нас легче вертеться?

– Какие идеи, Джеймс?

– Двигаться домой. Они и так наверняка знают, где мы обитаем. А уж завтра будем стараться как-то незаметно удрать к ведьме Нэн.

– Значит, это люди из подвала? – поинтересовалась у Артура Эли, молчавшая до сих пор. Он кивнул.

– И ты даже малейшего понятия не имеешь, что им от тебя нужно?

Артур отрицательно покачал головой и сказал:

– Думаю, то же, что и от Лонгдейла. То есть гробовое молчание. Вопрос лишь в том, о чем именно я должен молчать.

Эли подняла указательный палец и заявила:

– Я совершенно забыла. Есть человек, с которым нам стоило бы побеседовать.

– Наш друг и защитник суперинтендант Кэмпбелл?

Эли толкнула Артура локтем в бок.

– Я абсолютно серьезно. Прилетев в Лондон, профессор Лонгдейл сразу же стал требовать, чтобы я организовала ему randevu с профессором Коэном.

– И кто он?

– Арон Коэн – один из ведущих специалистов по истории Ближнего Востока. Имена своих знаменитых коллег вы должны были бы знать, мсье историк.

– Готов поспорить, что этот тип из Оксфорда.

²¹ Фрагмент баллады Р. Бернса «Тэм О'Шентер» в переводе С. Я. Маршака.

²² Самый быстроходный чайный клипер XIX века, на котором следовало искать последние цифры шифра камеры хранения. См. записку Лонгдейла МакГрегору.

– Так и есть.

– Так чего же вы хотите, дорогая? Кого интересуют дутые оксфордские величины?

– Артур, право, вы как студент-первокурсник, поклявшийся до конца дней своих отстаивать честь Кембриджа и не произнести ни единого доброго слова в адрес Оксфорда.

– Простите, я отвлек вас от темы. Достаточно того, что мы куда чаще бьем их на регате, чем они нас. Итак, Арон... как его там?

Эли обреченно вздохнула.

– Вы невыносимы, виконт. Я созвонилась с профессором Коэном, довольно долго изворачивалась, убеждая его встретиться с Лонгдейлом, которого он почему-то не горел желанием видеть, но все-таки убедила. Лонгдейл на следующий же день отправился к нему на кафедру. Мы сможем узнать, что интересовало Лонгдейла и зачем кому-то понадобилось обеспечить его молчание таким страшным образом. Наверняка эти же люди охотятся за вами.

– По-вашему, Коэн расскажет мне, кто и почему?..

– Повторяю: мы, если повезет, сможем узнать, чем занимался Лонгдейл, что было в сфере его поисков на текущий момент, а дальше дедукция, Ватсон, дедукция.

– А почему «если повезет»?

– Потому что Лонгдейл, по моим прикидкам, провел у Коэна от силы минут пятнадцать и вернулся злой как сто чертей, поливая профессора последними словами. Не похоже, чтобы у них состоялся такой уж душевный профессиональный разговор.

– Но вы считаете, что нам стоит увидеться с Коэном?

– Я убеждена в этом, дорогой маркиз. И намерена сейчас же ему позвонить.

– Сэр! – раздалось с водительского сиденья.

– Да, Джеймс?

– Я за то, чтобы никаких randevu, тем более связанных с Лонгдейлом, сегодня не было. Мы даже не поехали к старушке Нэнни.

– Два момента, Джеймс, – отозвалась Эли. – Первое: договариваться я буду не на сегодня, это понятно. Второе: у вас завидный слух.

– Полагалось бы. – Артур хохотнул. – Дворецкий, к тому же водитель лимузина. Это профессиональное.

Робертсон смущенно кашлянул и поднял перегородку, отделявшую его от пассажиров.

Эли рылась в списке набранных номеров, пытаясь найти нужный.

– Ага, – произнесла она и нажала кнопку вызова.

Прошло несколько секунд.

– Алло. Добрый вечер, профессор Коэн. Вероятно, вы меня не помните. Несколько дней назад я звонила вам, договаривалась о вашей встрече с профессором Лонгдейлом. Я его ассистент. К сожалению, нет. Почему «к сожалению»? Речь не о встрече с профессором. Два дня назад он был убит. – Пауза. – Полиция занимается этим вопросом, выясняет, кем и за что. Нет. О его встрече с вами я их не информировала. Да. Но мне и моему жениху очень нужно встретиться с вами. Дело в том, что он помимо своей воли оказался впутанным в это очень неприятное дело. Нам хотелось бы узнать хоть что-то о вашем разговоре с Лонгдейлом. Абсолютно конфиденциально. Лично вам никакими неприятностями это не грозит. Даю слово. – Эли прикрыла микрофон рукой и тихонько проговорила: – По-моему, он листает свой ежедневник.

– Жениху?.. – удивленно прошептал Артур. – А разве мы не?..

– Да, профессор. В полдень? Безусловно. Ровно в полдень мы у вас. Да, я знаю, где находится колледж Марии Магдалины. Благодарю вас, профессор. Да, до встречи. Еще раз спасибо. – Она нажала кнопку отбоя. – Ну вот и все. Нас ждут завтра. Если повезет, то хоть что-то мы выясним.

– Странно, что вы хотите наводить справки об интересах вашего бывшего босса у профессора Оксфорда. Лонгдейл что, не делился с вами проблемами, которые его занимали? – удивленно спросил Артур.

– Я была чем-то вроде технического секретаря, – пояснила Эли. – Позвони. Разыщи. Договорись. Перенеси срок. Кроме того, я не была при нем постоянно.

– Понятно, – заявил МакГрегор. – Девушка по вызову.

Она шлепнула его по руке.

Перегородка, отделявшая их от Джеймса, опустилась, и водитель-дворецкий произнес:

– Прибыли. Просьба оставаться на местах.

Робертсон открыл дверцу, вышел на улицу и, наигранно потягиваясь, осмотрелся. Потом он подошел к машине, выпустил из нее хозяина и его гостью.

– Чисто, – сказал водитель. – Ничего похожего на «Смарт», людей в черном поблизости нет. Но входим побыстрее.

Артур взбежал по ступенькам и уже нажимал кнопки кодового замка. Тот щелкнул, МакГрегор с силой толкнул массивную входную дверь и дал знак рукой, мол, вперед! Эли, а следом за ней Джеймс нырнули внутрь, и дверь закрылась.

Глава 10

Перед выходом Лилит еще раз посмотрелась в зеркало. Не много ли туши на бровях? Не слишком ли агрессивный цвет помады она на сегодня выбрала?

Да. Много туши. Да. Агрессивный цвет.

Смотрелось все это действительно довольно пошло. Но зато в самый раз, чтобы подцепить самца, если попадется подходящий.

По рассказам родителей – гори они в аду! – Лилит знала, что еще лет тридцать назад в Сохо, где она по-прежнему жила в родительском таунхаусе, таких ухищрений не понадобилось бы. В те годы тамошние обитатели пили, гудели, трахались и дрались по поводу и без. Однако и сейчас в районе Брад-лейн хватало пабов, баров и развеселой, раскрепощенной до предела публики.

Лилит выглядела в самый раз. Не совсем как проститутка. Незачем волновать ночных бабочек по поводу того, что у них одной конкуренткой больше. Но она была в достаточно откровенной одежде и с весьма ярким макияжем для того, чтобы дать понять избранному ею осеменителю, что женщина очень даже не прочь.

Впрочем, ночных бабочек она и так не насторожила бы. Они ловят клиентов, фланируя по тротуару. Лилит же всегда предпочитала охоту в интерьере.

Сейчас она направлялась на Бервик-стрит, где баров и пабов было в избытке, как в старые времена, известные ей лишь по рассказам. Это было совсем недалеко от ее жилища, расположенного на Брад-лейн. Удобно со всех точек зрения. Она даже знала, куда конкретно пойдет. Туда, где ей везло больше, чем раз-другой.

Выйдя на Бервик, светившуюся вывесками и окнами увеселительных заведений, она увидела трудяг-бабочек в расстегнутых накидках из искусственного меха, в высоченных сапогах и коротеньких юбках, позволявших видеть кружевные трусики. Если таковые вообще наличествовали. Бабочки парами и по одной прохаживались по тротуару взад и вперед, изредка нагибались к окошкам остановившихся машин и двигались дальше либо садились в одну из них, если повезет.

Лилит прошла полквартала, направляясь к заведению с бесхитростным, но красноречивым названием «As Before²³». Уже открывая дверь, она поняла, что вечер может быть удачным. Бар гудел. В гуле голосов тонула даже гитара Эрика Клэптона, выплакивающая очередной блюз из динамиков музыкального автомата. Несколько голов повернулось в сторону женщины, входящей в заведение. Пара выпивох оценивающе почмокала губами.

Она не стала идти вглубь, а села за столик справа от входа. Во-первых, только он и был свободен. Во-вторых, с него прекрасно просматривался не только зал, но и вся стойка, у которой стояли человек десять, запивавших виски пенистым светлым пивом.

Лилит неспешным взором обвела помещение. Пока никого, кто мог бы привлечь ее внимание.

Шатаясь, к ее столику подкатил небритый тип лет пятидесяти с красными навывкате глазами и кружкой пива в руке.

Свободной рукой он указал на стул напротив Лилит, изобразил подобие улыбки и с трудом произнес:

– Можно?

Она выставила вперед ладонь, сделала отрицательный жест.

– Я жду человека.

Небритый тип, похоже, удивился.

²³ «Как раньше», «Как прежде» (англ.).

– А я разве не человек?

Лилит нахмурилась. Ей не хотелось звать вышибалу, но качавшийся перед столиком пьянчужка ломал всю ее нехитрую, но проверенную стратегию охоты.

– Человек. А теперь исчезни. Пока мой бойфренд не помог тебе это сделать.

Небритый выпивоха покрутил головой и буркнул:

– Нет у тебя никакого бойфренда. Но не хочешь, так и хрен с тобой.

К облегчению Лилит, этот тип отчалил к стойке бара. Подойдя к ней, он, пошатнувшись, ткнулся плечом в странного даже по меркам Сохо персонажа: почти двухметрового детину лет тридцати пяти в ковбойской шляпе и сапожках на высоких каблуках. Тот как раз опрокидывал в рот очередную стопку, и толчок в плечо заставил его пролить виски на подбородок. Поставив пустую стопку на стойку, ковбой обеими руками поднял пьянчужку за воротник куртки, встряхнул и швырнул в сторону входной двери, до которой тот доехал уже на заднице.

Потом он повернул голову к Лилит, приподнял шляпу и слегка поклонился ей.

«Значит, заметил, как это существо лезло ко мне», – подумала она, улыбнулась и кивнула ковбою. Как бы благодарно. Но и приглашающе.

Он приподнял кружку с пивом и сделал жест в ее сторону. Лилит отрицательно покачала головой и двумя пальцами – большим и указательным – дала понять, что предпочла бы что-то не столь объемистое.

Через несколько секунд он стоял у ее столика, снова приподнял шляпу и представился:

– Джек Мэйсон, мэм. Вы позволите мне вас угостить? Бренди, виски, шерри?

– Благодарю вас. От рюмочки шерри я бы не отказалась.

Ковбой отправился к стойке, откуда вскоре вернулся с двумя стопками: шерри для дамы и виски для себя.

– Ваше здоровье! – он поднял стопку и махом ее опрокинул.

Женщина пригубила свой шерри.

– Меня зовут Лиззи, – сказала она и протянула Мэйсону руку, которую тот, вопреки ее ожиданиям, не поцеловал, а мягко пожал.

– Рад знакомству с вами, Лиззи. Вы, я полагаю, отсюда?

– Отсюда? Вы имеете в виду Англию, Лондон или Сохо?

– И то, и другое, и третье.

– Что ж, это и есть ответ: и то, и другое, и третье. Я живу через пару улиц отсюда. Всю свою жизнь. А вы, Джек?

Она незаметно бросила взгляд на его левую руку. Окольцован. Ну и что? Не под венец же ей с ним идти.

– Я? – переспросил он. – Оклахома. Соединенные Штаты. Чуть дальше чем пара улиц отсюда. – Он заржал так громко, что клиенты за соседними столиками повернулись в их сторону. – Пардон, мэм. Да, чуть дальше. Чуть-чуть. – Тут он заметил, что ее рюмка уже пуста. – Повторим? Или сменим мелодию?

– Разве что на глоток бренди.

– Считайте до десяти, – отчеканил Мэйсон и зашагал к стойке.

Внезапно по ее спине пробежал холодок. «Сменим мелодию». И ее действительно сменили – на музыкальном автомате. Сейчас Клэптон пел свою пронзительную балладу *My Father's Eyes*²⁴.

Лилит застыла, вспомнив, как все шире и шире раскрывались глаза ее отца, наливались кровью то ли от боли, то ли от запредельного изумления, когда наточенный кухонный нож вошел ему в живот по самую рукоять.

²⁴ «Глаза моего отца» из альбома «Пилигрим».

«Мистер Оклахома» поставил на стол стопку виски, бокал бренди, наполненный на палец, опустился на стул, озабоченно посмотрел на Лилит.

– Что-то не так?

Она заставила себя улыбнуться. Ей вовсе не хотелось терять этого могучего самца с белоснежными зубами и светло-русой шевелюрой, примятой стетсоном.

– Нет-нет, Джек, все в порядке. – Она первой подняла свой бокал, чокнулась с ним и добавила: – За Оклахому!

– За вас, Лиззи. За красавицу родом из Сохо!

Они выпили. Он достал из кармана замшевой куртки пачку сигарет, чертыхнулся и снова сунул ее в карман.

– Черт бы драл эту Европу! Ни в одном баре не покурить. А что за удовольствие стопка без табака? Или здесь все-таки есть заведения, где можно провести время действительно по-человечески?

«Пора, – решила Лилит. – Самое время, уже можно».

– Увы, Джек, – произнесла она. – Таких заведений на Бервик-стрит уже нет. Но...

Он вопросительно взглянул на нее. Во взгляде мелькнула тень догадки.

– Но?.. – переспросил американец.

– Но в своем доме я устанавливаю правила сама. И курить там не запрещено.

– Я правильно тебя понял, Лиз? – Он еще не был уверен.

– Это минут десять-пятнадцать ходьбы. Если, конечно, ты...

– Надо бы прихватить с собой пинту чего-нибудь для настроения.

– Дома все есть.

– Тогда вашу ручку, мэ. – Он встал, подождал, пока поднимется она, и предложил ей руку.

Так, под руку, они вышли из ставшего для нее уже неинтересным и ненужным заведения.

– Виски у меня, правда, нет, – сказала она, роясь в глубинах настенного бара в гостинной. – Есть хорошая лимонная водка. Устроит?

– В самый раз, – отозвался Джек из-за стола.

Лилит выставила на стол тарелки с сыром и ветчиной, стопку для Мэйсона и стакан для себя, на который ее гость с удивлением воззрился.

– Я выпью апельсинового сока, если не возражаешь. – Лилит улыбнулась. – Ты, наверное, решил, что это для водки?

Он расхохотался, закурил и поинтересовался:

– Наверное, тебе завтра на работу?

– Так и есть.

Они сидели, жуя бутерброды, Джек радостно догонял водку табаком. Лилит подумала, не поставить ли что-нибудь вечернее на CD-плеер. Но настроение было и так вполне добротное. Джек ей откровенно нравился, в его глазах она видела то, что хотела: негаснущий огонек желания.

– Джек, – внезапно сказала женщина. – Можно нескромный вопрос?

– Дорогая Лиззи, все, что тебе угодно.

– Я не могла не заметить, что на твоей руке кольцо. У тебя семья?

– Это тебя смущает, Лиз?

– Нет. Просто хотелось знать, есть ли у тебя дети?

Он расплылся в белозубой улыбке.

– Трое белокурых чертенят. Погодки. Мальчик, девочка, потом еще мальчуган. Хочешь посмотреть?

Она закивала. Джек сунул руку во внутренний карман куртки, достал бумажник, вынул из него фотографию, протянул ее Лилит. Жена Джека ее интересовала мало, но детишки и впрямь были чудо. Все трое гораздо больше похожи на Джека, чем на его половину. Хорошие гены. По нынешним временам очень дефицитный товар.

Мэйсон потянулся за бутылкой. Лилит остановила его, взяв за ладонь.

– Джек, мне не хотелось бы, чтобы ты опьянел. До того как...

– Лиззи, золотце мое, за это можешь не переживать. Впустую нынешняя ночь не пройдет, обещаю. В своем молодце я уверен.

– Но я прошу тебя. – Она встала, протянула ему руку.

Он тоже поднялся со стула, с сожалением бросив взгляд на бутылку водки.

– Пойдем.

«Кровать в спальне не слишком широка, – подумал Мэйсон. – Хотя мне, с молодых ногтей упражнявшемуся на заднем сиденье отцовской машины, много пространства и не требуется».

Лиззи опустилась на колени, расстегнула молнию его джинсов. Она вытащила наружу член, который мгновенно пришел в состояние боеготовности, сначала принялась поглаживать его руками, а потом стала целовать, щекая языком. Джек слегка нагнулся, расстегнул и снял ее блузку, рывком сорвал черный кружевной бюстгальтер, подставил ладони под тяжелые полные груди.

Она еще с минуту поиграла с его «бойцом», встала, несколькими движениями сбросила с себя юбку и трусики, взяла его ладонь и приложила к гладко выбритому лобку. Он скользнул пальцами ниже, раздвинул набрякшие от желания губы ее «киски» и почувствовал, что женщина буквально плывет.

Лилит сделала шаг назад и упала на кровать. Он навис над ней, раздвинул ее ноги и продолжал ласкать взмокшее влагище и клитор ловкими, умелыми пальцами. Она вскинула руки, вытащила подушку из-под головы, потом приподняла крепкие ягодицы и сунула ее под себя.

Он хохотнул.

– Чтобы вошел под самый корень? Не волнуйся, Лиззи, мы с приятелем тебя не обидим. У дверей топтаться не будем, въедем по полной.

Она молча взяла его подрагивающий от напряжения член двумя руками и ввела в себя.

– Джек... – пересохшими губами прошептала женщина. – Ну же... Ну...

Он вошел в нее сначала на какой-то дюйм и тут же двинул тазом назад. Еще раз. И еще. Потом мужчина одним движением вогнал член на всю глубину и почувствовал, как его лобок прижался к гладенькой поверхности ее венерина холмика.

Она вскрикнула, но не от боли, нет. Это был вскрик дикого желания. По всему ее телу прошла судорога.

– Возьми меня, Джек. Возьми всю. Сейчас. Джек, Джек, Джек...

Сначала он двигался медленно, но под ее горячий шепот возбудился до предела и теперь гнал так, словно опаздывал на поезд, чувствовал, что вот-вот выстрелит тугой струей, – и это всего-то пару минут спустя после начала. Мужчина пытался сдержаться, но не смог. Со стоном он разгрузился в нее, чувствуя, как сперма толчками бьет внутрь ее пещеры.

Она тоже стонала, чувствовала горячую струю и торжествующе выкрикивала:

– Да, Джек! Да! В меня! Все в меня! До последней капли! Джек...

Он упал рядом с ней, на самый край кровати, чувствуя, что краснеет от стыда.

«Кончил как подросток, – подумал американец. – Словно в первый раз. А ведь и выпито было немало. Но вот поди ж ты».

– Прости, Лиз. Вторым заходом мы сделаем все как надо.

Она лежала не шевелясь, не пробуя даже прикоснуться к нему, к его члену, и просто прошептала:

– Все прекрасно, дорогой мой. Все как надо.

Он попытался перевернуть ее, чтобы потом взять сзади, чувствовал, что почти готов.

Но Лиз отвела его руку.

– Нет, Джек. Мне нужно полежать так. Не шевелясь. Полежи и ты.

– Полежать? Да я уже готов к бою! Вот, положи на него руку.

– Нет, Джек. Мне нужно полежать. – Она подтянула колени к груди.

Хмыкнув, он сунул руку под голову и задумался. Внезапно его осенило.

– Эй, эй, эй! Да ты что, забеременеть стараешься?

Услышав ее спокойное и короткое «да», Джек почувствовал, как словно подкошенный упал его «боец». Мэйсон сел на кровати, потом встал и лихорадочно, не понимая, куда и почему он торопится, стал одеваться.

Его насторожила не сама ситуация. Хочет девка залететь – ее проблема. Но что-то в этой Лиззи было не так.

Размашистым шагом пройдя в столовую, он налил себе полный бокал водки и залпом его осушил.

Джек немедленно налил второй, и тут из спальни раздалось:

– Выходная дверь просто захлопывается. Услышишь щелчок, значит, все в порядке.

«Черта с два в порядке, – подумал он, опрокидывая второй бокал. – С тобой, дорогая, что-то крепко не так».

Выйдя из квартиры и захлопнув дверь, он все-таки на всякий случай подергал ее. Все нормально. Отдыхай, Лиз, старушка. Спасибо за хорошую водку.

Глава 11

Они сидели, расслабившись, в креслах гостиной. Артур с наслаждением курил уже третью сигарету, хотя до Эли ему было далеко. Она прикуривала одну сигарету от другой и провоняла все помещение едким дымом «Голуза».

В дверях появился Джеймс и отпраповал:

– Салли позвонила снизу. Ростбиф готов. Жюльен тоже. Салат нарезан. Мне только на кухню заглянуть или стоит спуститься и в погреб?

– Принеси пару бутылок калифорнийского мерло две тысячи восьмого года. Пусть французские снобы убедятся, что достойное вино умеют делать не только во Франции.

– Ха! – произнесла Эли, выдохнув при этом облако дыма. – Но ведь не в Шотландии же.

– Что нет, то нет, – согласился с ней Артур и поднялся с кресла. – Что ж, переезжаем в столовую?

Поднялась и Эли.

Джеймс кивнул и направился в коридор, бросив на ходу:

– Мы поднимемся вместе с Салли. На поднос и вино у меня рук не хватит.

– Кто такая Салли? – спросила Эли Артура.

– Кухарка. Нет, «кухарка» звучит унижительно. Кулинар – да еще какой!

– Тем более непонятно, почему кулинар, да еще какой, должен бежать с подносом в столовую с дворецким на пару. А как же серая мышка? Что случилось с вашей скромницей-горничной?

– Салли живет здесь, в особняке. У нее квартирка внизу, рядом с кухней. А серая мышка... если вы о Лилит, виконтесса, то она ночует дома.

– У нее свое жилье в Лондоне? – Эли подняла брови.

– Теперь свое. Таунхауз, оставшийся ей от родителей. В Сохо.

– Район, конечно, развеселый, – заметила Эли, снова садясь в кресло и закуривая, должно быть, сотую сигарету за вечер. – Присядьте, виконт. Мистер Робертсон позовет нас, когда ужин будет на столе. Родители мышки, я полагаю, умерли, да?

– Можно сказать и так, – ответил МакГрегор, сев в кресло и добыв из кармана вельветового пиджака пачку сигарет. – Конечно, умерли, да. Правда, не совсем своей смертью.

– То есть? – Эли вытянула шею. – Убиты?

– Да.

– И вы знаете детали?

– Мне ли их не знать. Я же участвовал и в следственных действиях, и в судебных разбирательствах.

– А вы-то каким боком ко всему этому относитесь?

– Лилит все-таки работала у меня. Я считал себя обязанным помочь ей чем мог.

– Ей? Ее в чем-то обвиняли?

Артур вздохнул.

– Это не очень веселая история, Эли.

– У большинства людей не очень веселая жизнь. Не тяните, баронет.

– Ах, уже не виконт? – заметил МакГрегор. – В двух словах: отец пытался изнасиловать Лилит, когда ее мать вмешалась, он перерезал ей горло охотничьим ножом. Серая мышка, как вы ее называли, убила отца, всадив ему в живот огромный кухонный нож.

– Боже, да это настоящий триллер! Надо думать, он пытался поиметь дочурку и раньше? Ведь не вдруг же – ни с того и ни с сего?

– Насчет «раньше» не утверждала и сама Лилит. Хотя адвокаты настойчиво ей советовали. Все было проще и, пожалуй, трагичнее. Она двумя годами ранее забеременела от своего бойфренда. Который ее, понятно, тут же бросил.

– О, так мышке все-таки знакомо слово «секс»?

– Это не так смешно, Эли, как кажется. Отец настоял на аборте. Сказал, что не желает иметь в доме ублюдков. Аборт делался где-то втихую и черт знает кем. Во всяком случае, позднее гинекологи – уже профессионалы – поставили диагноз: детей она больше иметь не сможет.

– Это действительно не смешно, – негромко произнесла Эли.

– Но это лишь половина истории. Лилит выиграла кучу денег в лотерею. Семьсот с лишним тысяч полновесных фунтов стерлингов.

– Артур, неужели кучу? Для вас это карманные деньги, как я понимаю.

– Возможно. Но для нее и ее родителей – куча. Вместо того чтобы дать возможность всей семье выбраться из Сохо в по-настоящему приличный дом, Лилит потратила все деньги на попытки забеременеть в клиниках репродукции, центрах искусственной инсеминации, экстракорпорального оплодотворения, в Англии, Германии, Швейцарии... Безуспешно.

Во время очередной ссоры – а у них ни один день не проходил без стычек – отец заявил, мол, хочешь залететь, так я тебе это устрою. Здесь, сейчас и задаром. Остальное я уже рассказал.

– Что же решил суд?

– Оправданная самозащита. Не забудьте, до этого папаша убил ее мать.

– Бедная девочка. Я была к ней несправедлива. – Эли с силой вдавила окурок в пепельницу.

Брат Дидимус удобно расположился на большом столе в гостиной, накрыв его покрывалом, сдернутым с дивана. Снайперскую винтовку с оптическим прицелом он уже установил на двуногую сошку. Инфракрасный прицел пока положил рядом.

Столовая в особняке МакГрегора была достаточно ярко освещена. Другое дело, что она пока оставалась пустой. Во имя всех святых, должны же они когда-то жрать, ведь катались едва ли не сутки.

Оп! Появились двое: мужчина и женщина. Дидимус прильнул к окуляру оптики. О, чтоб вас! Пожилая леди в фартуке – явно из служилого люда – и шофер, который ему уже успел надоесть за день. В руках у этого здоровяка – возможно, он же дворецкий – огромный поднос с тарелками и блюдами. Пожилая служанка, или кто она там была, держала в каждой руке по бутылке вина. Сейчас должна пожаловать и его цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.